

~~9181~~ 63.3(2Р -4К)

Б 42

8,42

НА ПРАВАХ РУКОПИСИ
для обсуждения

А. БЕК

ГЛАВЫ ИСТОРИИ КУЗНЕЦКСТРОЯ

(1913—1920 г. г.)

О Г И З

1933

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО „ИСТОРИЯ ЗАВОДОВ“

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
От редакции „И. З.“	2
Вступление	3
Часть первая Копикуз	
Глава первая. Курако	9
Глава вторая. Открытие Кузбасса	17
Глава третья. Телеграмма	33
Глава четвертая. „С югом кончено, барбосы“	41
Глава пятая. Вагон №...	51
Глава шестая. Тревожные дни	64
Глава седьмая. Черное знамя	76
Глава восьмая. Бегство	86
Глава девятая. Партизан № 1	91

НА ПРАВАХ РУКОПИСИ

ДЛЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ОБСУЖДЕНИЯ НА ПЛОЩАДКЕ
КУЗНЕЦКСТРОЯ

R.S.L. KEMEROVO

80147

А. БЕК

63.3(ЛР -4К)

БЧ2

ГЛАВЫ ИСТОРИИ КУЗНЕЦКСТРОЯ

(1913 — 1920 гг.)

ОГИЗ

1933

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИСТОРИЯ ЗАВОДОВ»

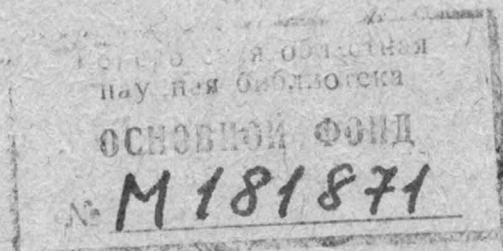
От редакции «И. З.».

Редакция «Истории Кузнецкого металлургического завода им. Сталина» приступает к предварительному изданию на правах рукописи отдельных частей книги по «Истории завода».

Предварительное издание предпринимается с той целью, чтобы книга по истории завода была написана не одним лишь авторским коллективом вместе с активистами истории, давшими свои воспоминания, а чтоб автором книги о заводе был весь коллектив рабочих и специалистов.

Выпущенная брошюра не представляет собой законченного окончательного текста истории завода. Это лишь самый предварительный набросок, который должен быть широко обсужден на Кузнецком металлургическом заводе. Данная работа не лишена чрезвычайно существенных недостатков. Задача массового редактирования: эти недостатки исправить и пополнить рукопись недостающим, упущенными материалом.

Перед всей общественностью Кузнецкого завода, перед ударниками, комсомольцами, парторганизацией стоит задача как можно внимательней отнестись к предлагаемому тексту. Сделав подробнейшие замечания со ссылками на соответствующие страницы брошюры и не задерживая более недели, сдавайте ее вместе со своими замечаниями в редакцию «Истории Кузнецкого металлургического завода им. Сталина» по адресу: газета «Большевистская сталь» для истории Кузнецк-строя.

Редактор Грузинский, Я.

Техред Ловушкин.

Сдано в произв. 10/XII-33 г. Подп. к печ. 17/XII-33 г. Ф. бум. 82×110. 61 $\frac{1}{4}$ п. л.
Уп. Главл. Б-31588. Гираж 1000 экз. Заказ № 1301.

17-я фабр. нац. книги ОГИЗа РСФСР треста «Полиграфкнига»
Москва, Шлюзовая наб., д. № 10.

ВСТУПЛЕНИЕ

I

Февральской ночью 1928 года позвонили по телефону. Межлаук сразу узнал голос.

В трубку спросили:

— Когда вернулись из Америки? Вчера? Приезжайте ко мне сейчас же.

Межлаук просидел у Сталина до четырех утра. Межлаук рассказывал об Америке, Сталин о Сибири, откуда только что вернулся.

* * *

Когда в Америке полдень, в Сибири полночь.

На глобусе Кузнецк и Чикаго стоят друг против друга на одном меридиане. Если длинной булавкой проткнуть насеквоздь Чикаго, конец пробьет земную ось и выйдет в точке, где можно разобрать «Кузнецк».

Мистеры Фрейн, Уиллокс и Эвергард, о которых будет рассказано в этой книге, любят повторять, что Кузнецкстрой находится на полпути кругом света.

Место действия нашего повествования Сибирь — Америка — Москва.

* * *

Из ворот завода Герри, близ Чикаго, вышел мастер. Не повышая голоса он сказал:

— Э ман фор слаглейдль.

Это означает нужен шлаковщик.

Из толпы вышло семеро. С краю стал высокий, жилистый, с бритым сухим обветренным лицом, как у шведского шкипера. Из под нависших бровей не было видно глаз.

Мастер взглянул и пробурчал:

— Но гут.

Это означает не годен.

Человек отошел. Ему не везло. 30 марта 1910 года он выехал из России в Америку, имея 183 рубля и инженерский диплом в кармане. Восьмую неделю он приходил к заводу Герри.

Завод Герри близ Чикаго величайший в мире. Из своих 12 домен он выдавал больше чугуна, чем вся довоенная Россия.

В Америке больше половины мировых запасов руды и самые большие заводы.

* * *

— В Азии нет руды. Вы извините меня, товарищ Эйхе, но в Азии ее нет.

Профессор Усов виновато улыбнулся, Эйхе был сдержан и сух, как всегда. Он сказал, что можно бросить еще несколько миллионов на разведки. Он настаивал.

Усов гнулся под напором, пересыпал речь извинениями, но не уступал. Набравшись духу, он спросил:

— Вы помните день, — 14 марта 1927 года?

Нет, Эйхе не помнил этого дня.

— В этот день вы приехали в Томск и вызвали меня. Помните? Я с вами поехал в Москву и заявил в Главметалле, в Совнаркоме, в печати, всюду, что у нас на Тельбессе два миллиарда пудов руды. Где они теперь — эти миллиарды? Каждая буровая скважина резала меня ножом. Видите, у меня седые волосы.

Эйхе все же настаивал.

— Нет, товарищ Эйхе, нет. Если позволите — это последнее мое слово. Ведь, между нами говоря, Китай, Индия и Сибирь не историей осуждены, а обижены самой природой. Если вы сомневаетесь, читайте.

Усов развернул толстую книгу в тисненном переплете. Это фундаментальный труд американских геологов об Азии.

Усов нашел главу о рудах.

Глава начиналась так:

— Железных руд в Азии нет.

* * *

Голдобин, инженер Кузнецкстроя, после возвращения из Америки рассказывал:

— Осматривал я большой металлургический завод в Миль-

воки, около Чикаго. Пригласили меня на завтрак. Собрались инженеры. Они интересовались, какой завод мы строим, считали, что завод очень крупный. Я сказал, что мы приехали учиться, у них лица довольные. А потом говорю: мы поставили себе задачу догнать и перегнать вас. Как только я сказал, что встали и ушли, не попрощавшись. Вот какая со мной штука приключилась.

2

О всех этих людях и событиях будет рассказано на страницах нашего повествования.

И еще:

О румынском солдате Д... который ранней весной переплыл Днестр и приехал ломать камень на площадку Кузнецстроя Его фамилии нельзя назвать, потому что в Румынии у него отец. Старик проводил сына до Днестра и, когда тот разделся, достал бутылку водки.

— Выпей сынок здесь и выпей там.

Когда Д... вылез из черной холодной воды, на нем было лишь румынское военное кепи и в кепи бутылка. Он всхлипал и смеялся.

О директорском выпуске Санкт-Петербургского императорского горного института. В 1900 году среди других институт кончили шестеро. Проходит 15 лет-идет год 1915-й. Шесть горных инженеров стали директорами крупнейших акционерных компаний. Они держат в руках уголь, железо и золото России. Проходит еще пятнадцать лет-идет год 1930-й. Шестеро приговорены к расстрелу. Среди них участники нашего повествования — Пальчинский и Федорович. Им, учредителям инженерного центра, немало места уделено в толстой книге под названием «Процесс промпартии».

О двух Сергея Ивановичах — Реутове и Сырцове. В тот год, когда шофер Реутов привез в Кузнецк первый автомобиль, секретарь Сибрайкома Сырцов призывал двигаться к социализму на корове.

О Франкфурте-директоре Кузнецкого металлургического комбината, на которого в ноябре 1920 года злились секретарши Совнаркома, потому что Ленин на два часа заперся с ним в кабинете и у географической карты высматривал все до тонкости о великой Сибирской пустыне.

О самом знаменитом доменщике юга Михаиле Константиновиче Курако и об анархисте Рогове, сибирском Махно. Курако проектировал в годы гражданской войны Кузнецкий металлургический завод. Отряд Рогова разрушал города,

сжигал церкви, истреблял буржуев и инженеров. Курако мечтал в центре Азии построить американский завод. Рогов мечтал во всем мире уничтожить железо, чтобы Азия сразу сравнялась с Америкой.

О шорце охотнике Майдакове, который водил по тайге геолого-разведочные партии и перед революцией менял шкурки на черных тараканов, ибо они — шорские божки.

Об АИКЕ — Американской автономной промышленной колонии, о голландском коммунисте Рудгерсе и о секретаре Клары Цеткин, Брониславе Корнблит, женщине с одним легким, которую все называли Бронкой, о тысяче эмигрантов всего мира, приехавших в 1922 году из Америки в Кузбасс создавать новую Америку в Сибири — строить рудники, коксовые печи и Кузнецкий металлургический завод.

Об Алексее Ивановиче Рыкове, бывшем председателе Совнаркома, который резал все предложения об ассигновках на строительство Кузнецкого и Магнитогорского заводов и кричал тонким голосом, что Урало-Кузбасс — это авантюра.

Об Андрее Кулакове — любимце горняков Кузбасса, первом секретаре Кузнецкостроевского райкома. Его переросло дело, выращенное им самим, он уходил с дракой и с болью.

И еще и еще о многих, чьи жизни пересеклись в Кузнецкострое.

И прежде всего и больше всего о партии, о великой партии коммунизма, шестнадцать лет назад взявшей власть в измученной разрушенной стране.

О партии и о том, кто сделал металлической партию и страну, кто создал вторую угольно-металлургическую базу, чье имя носят Кузнецк и Магнитка, кто завод Герри превратил в бывший величайший мира. Он работает в старом российском Кремле и ежедневно в девять утра ему приносят сводки металлургических заводов. С этого он начинает день, иной вопрос он может отложить на завтра, металл не откладывает никогда.

О великой партии коммунизма и о том, чье имя никто не произносит равнодушно, будет рассказано на страницах этого повествования.

3

Видели ли вы деревянные пушки?

Из них палили красные партизаны Сибири. Несколько деревянных пушек сохранилось. Их осматривают в музее-Новосибирск, Красная, дом № 10.

В Америке стулья странно легки. Они сделаны из тонкой стали и выкрашены под дерево. Горы для лыж и салазок сделаны из стали.

* * *

В 1929 году инженер Щепочкин увидел в тайге страшную картину. По наезженной просеке ползли полчища клопов. Они перебирались с Сухаринки на Одрабаш вслед за ушедшими людьми.

* * *

Год спустя Щепочкин сошел с парохода в Нью-Йорке. По улицам автомобили ползли полчищами, как клопы.

* * *

В Гипромезе — в государственном Институте по проектированию металлургических заводов — споры затягивались до утра.

Буров (председатель Гипромеза, большевик) Американские домны объемом 1 000 кубометров нужны для нашей страны.

Павлов и Липин (отцы русской металлургии, в один голос). Да вы с ума сошли?

Мистер Томас (главный инженер фирмы Фрейн, американец). У вас нельзя строить больших печей. Руда не та, кокс зольный, грязный.

* * *

В спор металлургов вмешался Сталин. Именно об этом он говорил с Межлауком февральской ночью 1928 года.

* * *

Спустя четыре года, 3-го апреля 1932 года, дала чугун первая домна Кузнецкстроя.

Через несколько дней американский инженер Фергюсон получил письмо с родины. Он выстроил в Америке двадцать доменных печей. Письмо сообщало, что потушена последняя из его двадцати.

Фергюсон был одним из тех, кто вышел не попрощавшись из столовой, когда Голдобин ляпнул «догнать и перегнать».

* * *

13 декабря 1932 года актив Кузнецкстроя слушал высокого килистого человека, с бритым, сухим, обветренным лицом,

как у шведского шкипера. Из-под нависших бровей видны маленькие живые глаза. Двадцать два года назад его не приняли шлаковщиком на завод Герри близ Чикаго. Это — Иван Павлович Бардин — главный инженер Кузнецкого завода, металлург, строитель, академик.

— Во всем мире нет лучшего района, чем район Кузнецкого завода,— сказал Бардин. Разбита легенда о том, что в Азии нет руды. Неисчислимые запасы угля и руды лежат рядом.

В докладе развертывался план на пятилетие. Новый завод, перед которым Кузнецкий, — дитя. Кокс отправлять на Урал по двенадцать поездов в день. Всесоюзный центр вагоностроения, чтобы вагоны с коксом уходили в пространство и не возвращались.

* * *

Среди других доклад слушали два большевика. Бывший шефер Реутов и бывший солдат румынской армии Д...

Д... стал на Кузнецкстрое начальником цеха, Реутов-помощником.

В Америке нет таких планов и не такие люди ведут в Америке жизнь.

* * *

В улусе, где живет охотник Майдаков, сидит шорец Токмаков. Он пишет историю Горной Шории. Солнце бьет в окно на белую бумагу — товар, которого не знала Шория.

Когда в Кузнецке полдень, в Чикаго полночь.

Темнеют мертвые домны на заводе Герри близ Чикаго.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ КОПИКУЗ

Глава первая КУРАКО.

Домны, расклепанные, разобранные, разложенные в штабеля гнутых листов, плит, балок, труб, пересекли океан вместе с мистером Джулианом Кеннеди и его братом Генри.

В теплом городе Мариуполе, на берегу зеленоватого моря сложили из кирпича на извести и цементе два пня. Они поднимались на четыре метра. На пнях начали сборку печей.

Джулиан Кеннеди был знаменит. Решающие конструкции печей носили его имя. Засыпные устройства системы Кеннеди. Охладительные приборы системы Кеннеди. Каупера системы Кеннеди. Джулиан Кеннеди был самым талантливым американским доменщиком — инженером, конструктором, строителем.

В 1898 году американцы закончили передачу завода Русско-Азиатскому банку. Они уехали на родину, пробыв в Мариуполе пятнадцать месяцев.

Ведение печей приняли французы и поляки. Американские домны охотно и безропотно подчинялись американским инженерам. Когда поводья перешли в другие руки, печи вышли из повиновения.

Печь № 1 считалась погибшей. Тяжелое расстройство хода постигло и вторую домну.

В кабинете директора — мрачные лица. Там говорят по-французски. Распахивается дверь. Входит мокрый и грязный человек. Его сапоги обшиты грубым парусным брезентом. На голове войлочная шляпа, прожженная в нескольких местах.

Так одеваются рабочие доменных печей.

Разговор в кабинете смолкает.

Вошедший спрашивает:

— Могу ли я переговорить с мосье директором?

Он произносит эту фразу по-французски. Французские слова вылетают у него непринужденно и легко, как родные. У него тяжелые веки, полуопущенные на глаза.

Директор спрашивает:

— Кто ты и что тебе нужно?

Мастерской вскидывает голову. Веки вздергиваются верх, как шторы. Он тоже переходит на «ты».

— Ты должен меня знать. Я горновой второго номера. Берусь наладить печи.

— Что? Какие печи? — раздраженно спрашивает директор.

— Обе.

Это происходило в 1899 году. На юге России ни один русский инженер не допускался к ведению доменных печей. Еще не началась полная ловушек и хитростей, предательств и подкопов пятнадцатилетняя война русского инженерства за вытеснение французов, англичан, бельгийцев и немцев с площадок доменных цехов.

Горновой был наглец или сумасшедший. Его следовало бы выгнать вон. Директор не сделал этого. Он разрешил воскресить труп. В распоряжение горнового предоставлена погибшая печь.

Она умерла, едва изведав сладость белого огня, бушующего, как вихрь, под напором горячего дутья. Всего три недели назад раскаленный воздух, в мгновение при прорыве сжигающий на смерть человека, рвался внутрь через двенадцать отверстий, суживающихся, как бранспойты. Они называются фирмами. Теперь печь не дышала ни одной из них. Черным застывшим шлаком залиты прекрасные изящные фирменные рукава системы Кеннеди. Ни одного кубометра воздуха нельзя вогнать в печь. Она холодна, тиха, неподвижна, мертва.

Четверо суток, не смыкая покрасневших глаз, горновой и трое подручных бились над печью. Утром на пятые сутки, когда песок на берегу хранил еще ночную свежесть, горновой побежал к морю. Он сбросил пробитую огнем брезентовую рубаху, хотел окунуться, упал на песок и заснул.

Печь гудела. Стенки ее клепанного железного панциря дрожали. Если бы у нее был голос, она заржала бы от полноты жизни. Сквозь глазки фирм, через синее стекло — с ним никогда не расстаются доменные мастера — отчетливо

виднелось горение кокса. Сияющие куски двигались, не останавливаясь ни на мгновение. «танцовали», как говорят доменщики. Из руды каплями выступал чугун и тяжелый огненный дождь непрестанно падал в печи.

Горновой расплавил козел, какого никто никогда не расплавлял. Козел — зловещее слово. Козел — застывший, затвердевший чугун в печи. Козел — это значило капут, каюк, конец. Печь надо разбирать до основания.

Кувалдой, ломом, нефтяной форсункой горновой пробил и прожег в спекшейся черной чугунной массе узкий кротовый ход от фурмы к выпускной щели. И не отходя от печи, по капле, по ложке, по ведру спустил из печи козел.

Юг узнал фамилию горнового. Это был Курако.

2

О детстве Курако мы знаем немного. Его отец был помещик и отставной полковник. Мальчика воспитывал гувернер француз. В 1890 году Курако исполнилось 15 лет. Через год ему предстояло ехать Германию, в Лейпцигский университет. Он проглотил лучшее из французской и русской литературы, знал немецкую философию, декламировал наизусть запрещенные стихотворения Пушкина.

В день рождения Курако удрал из отцовского имения. Он ударили бутылкой по голове надоеvшего француза, гувернера, побежал к пруду, разделялся, оставил одежду на берегу и утонул в безвестности. Крестьянский хлопец Максименко, его молочный брат, дал Курако мужицкую одежду. Они бежали вместе.

Спустя несколько дней в доменный цех Брянского завода в Екатеринославе приняли двух мальчишек. Это были Курако и Максименко.

Больше года Курако разносил в цеху пробы чугуна и стаканы чая — в горячем виде то и другое.

Невозвратно уходили времена, когда тихая степная Украина получила железо с Урала, за две тысячи верст по водному пути с речным весенним караваном. В 70-х годах в таганрогском порту сгрузили с английских кораблей первый южный металлургический завод. Медлительные и слоняющие быки протащили завод от Таганрога до будущей Юзовки. Даже кирпич везли на быках. Больше миллиона штук шамота привез для завода из Англии кузнецкий мастер Юз, Иван Иванович по-русски, Джон по-английски.

Завод был поставлен на жирных донецких углях. Одна из шахт выходила устьем во двор завода, прямо к коксовым печам. Руда нашлась близ завода — бурые донецкие железняки.

Через десять лет были открыты криворожские руды, богатейшие в мире по содержанию железа.

И пришла на Украину небывальщина. О ней писали так:

«Пустынный юг наш, еще так недавно представлявший одни безбрежные ковыльные степи, ожила. Среди былых пустынь выросли гиганты, извергающие миллионы пудов железа. Возникли поселки и целые города там, где так недавно шумел один бурьян».

Восемнадцать заводов привезли на юг из-за моря. Старый Урал имел полтораста заводов, прекрасные руды и ни одной тонны кокса. Уральские домны не знали другого горючего, кроме древесного угля, дорогого и негодного для высоких печей — он крошится под давлением столба плавильных материалов. Кокс порист и крепок. Он не разбивается при ударе о чугунные плиты и не пачкает рук. Коксующиеся угли жирны, смолисты. Их размельчают в тяжелую черную пыль и накаливают без доступа воздуха. Продукты разложения смолистых веществ склеивают частицы угля в компактную пористую массу. Старый Урал не имел кокса. Восемнадцать южных заводов стали выдавать чугуна в четыре раза больше, чем полтораста уральских.

Хотя Курако и побил опостылевшего француза губернера, он попрежнему ежедневно слышал французскую речь. Инженеры, мастера и старшие рабочие Брянского завода были французами. Все книги и записи велись по французски.

Брянский завод принадлежал русским предпринимателям — Губонину и Голубеву. Это было редкостью. Из восемнадцати южных заводов только четыре основаны с участием русских капиталов.

Но и здесь ни одного русского инженера не допускали к доменным печам. Директор завода, бывший французский брандмейстер Пьерон, не доверял им даже лебедок, грубых простых машин, подымающих кверху кокс и руду.

Французы острили, что, не в пример Наполеону, им удалось завоевать Россию без крови и без выстрелов. Остряки ошибались. Грохот взрывов и, черные лужи дешевой крови русской мастеровщины отмечали путь металлургического юга.

Пьерон гордился изобретенной им системой крепления горна — нижней части домны, где скопляется жидкий чугун. Старые домщики помнят систему Пьера — знаменитый

никотаж, который Курако послал впоследствии к чертовой маме.

Система никотажа была системой взрывов. На полном ходу на самом горячем дутье белый и пузырящийся, как кипящее молоко, чугун проедал горн, вырывался на мокрую глину и тысячами тяжелых молний ударял из под печи. Иногда чугун просачивался в трещину огнеупорной кладки, прожигал себе длинный извилистый ход и вдруг начинал бить фонтаном в нескольких метрах от печи.

Взрывов бывало по десятку в год. Случались взрывы такой силы, что однажды чугунная плита весом в 80 пудов была сорвана со своего места у печи, с бешеным свистом и звоном влетела в контору, пробила крышу и подмяла под себя письменный стол самого Пьерона.

Франция, Англия и Бельгия посыпали нам старые, изношенные домны и невежественных, неискусных мастеров. Они приезжали обогащаться вдикую, обильную страну.

Курако не прятался от взрывов. Со всех ног он бежал на грохот. Прижавшись к печи, вытянув голову вперед, он слушал дыханье домны. Он начинал понимать домну на слух, различать ее запахи и оттенки бьющегося внутри огня. Через год он научился предугадывать взрывы. Это было первое проявление его замечательного таланта.

Однажды ночью мастер француз поймал Курако в лаборатории. Перед Курако лежали раскрытые записные тетради цеха и толстая французская книга о металлургическом процессе. Парень был наказан. Его перевели в катали.

Через два дня Курако выгнали с квартиры. Каталей в городе на квартирах не держали. Они находили себе пристанище в селах, у мужиков. Когда Курако проходил после работы по улицам, мальчишки кричали ему вслед: «Дяденька, дай лапоть — чай заварить». Как и другие катали, он весь — одежда, обувь, белье, поры кожи, — был пропитан красной мельчайшей тяжелой пылью криворожской руды. Прохожие сторонились его.

Изо дня в день он подвозил по чугунным плитам двора доменного цеха тачки с рудой, коксом и известняком. Он вкатывал тачку в клеть и она взвивалась на верх, на колошник домны. Там колошниковые рабочие высыпали руду, кокс, известняк в ненасытное чрево печи. Держать печь постоянно полной — азбука доменной плавки.

Двенадцать часов в сутки работал Курако. По двенадцати часов ежедневно работали все рабочие доменных печей. Заводы плавили чугун непрерывно, ночью и днем, в праздники

и в будни, на пасху и на рождество. Печи не терпят остановок, они любят ровный непрестанный ход. Две смены служили домнам. Только две.

Через год Курако перевели на колошник. Он дышал выбивающимися кверху газами, спасался в специальной железной будке от вылетающих неожиданно, как из вулкана, столбов синего пламени и кусков руды, видел как погиб, скочившись, брат его друга, его молочного брата, сожранный взметом огня.

Отец нашел пропавшего сына через 7 лет после его исчезновения. В этот год Курако был «тигром». Так назывались рабочие, которые жили у завода, но не имели на нем постоянной работы, не состояли в штате. Они собирались около казенной винной лавки и ждали, не придет ли мастер. Мастер появлялся и кричал: «Пять человек на уборку шлака» или «Трое перетаскивать рельсы». Тогда сидевшие бросались, как тигры, и, отталкивая друг друга, захватывали случайную работу.

У казенной винной лавки Курако декламировал тиграм «Гаврилиаду» Пушкина. Тигры валялись в траве и рычали, захлебываясь хохотом. Никто не встал, когда показался старый полковник. Курако увидел отца и ему стало стыдно перед тиграми.

Полковник не узнал сына и испуганно оглядывался кругом. Провожатый показал отцу пальцем. Тигр подошел к полковнику и глядя немигающими светлыми глазами, сказал, что никогда не вернется домой, что будет жить и умрет у доменных печей.

— Миша, пойдем отсюда. Поговори со мной.

У Курако перехватило дыхание и подступающие слезы защемили горло. Стало жаль дряхлого и одинокого отца. Тигры молчали. Курако оглянулся на них и сказал:

— Ребята, возьмите старика. Донесите его до извозчика. Я не хочу его видеть.

Тигры унесли полковника.

3

Решающим событием в жизни Курако была встреча с мистером Джулианом Кеннеди.

Россия не знала американских домен. Мариупольская печь была на несколько метров выше всех других южно-русских приземистых и громоздких домен немецко-бельгийского типа. Мариупольские печи были одеты невиданными, неве-

домыми устройствами. Их производительность была почти вдвое выше самых больших южно-русских домен.

На юге не было людей, которые умели обращаться с американкой. Никто на юге не владел одноцилиндровой пушкой, автоматической засыпкой, секретами десятка приспособлений и приборов, носивших имя Кеннеди. Со всех заводов юга было послано по два, по три рабочих в Мариуполь учиться у братьев Кеннеди обращению с американской домной.

В их число попал Курако. Американская домна покорила Курако сразу и навсегда. Чутьем прирожденного доменщика Курако понял, что американская конструкция соответствует самой природе организма домны, ее назначению, как назначению коня соответствуют четыре крепких ноги, стянутых копытами, и мощная грудная клетка, как назначению рыб сплющенное тело, жабры и плавники.

В Мариуполе Курако выучился читать со словарем по-английски и перечел американскую доменную литературу, которая нашлась у Кеннеди. Уезжая Джюлиан Кеннеди назначил Курако горновым — старшим рабочим домны.

Когда пароход навсегда увез братьев Кеннеди, Курако долго стоял на берегу, провожая глазами исчезающие в море огни. Вернувшись домой, он всю ночь пил водку с молочным братом Максименко, верным спутником, другом. Ему хотелось в Америку. Страна мощных домен манила его. Он не поехал туда.

4

В сентябре 1902 года в Мариуполь примчался немец Зимербах — директор Краматорского завода. Зимербах заехал в дирекцию, потом прошагал к доменному цеху, нашел Курако и усадил его с собой в коляску. Специальный поезд в составе паровоза и одного вагона доставил их на станцию Краматорская на линии Ростов—Харьков. Одна из печей Краматорки стояла четыре месяца. Вторая — восемнадцать дней. Ее выправил Курако в шесть суток.

Правление Краматорского завода пригласило его начальником доменного цеха.

Курако поставил условие: свой штат и переделка печей.

Курако не был инженером, и в 1902 году стал первым русским — начальником доменного цеха на юге. Он привез с собой из Мариуполя восемнадцать человек и Максименко поставил горновым.

— В день приезда Курако угощал доменщики. Дирекция предоставила ему квартиру в 12 комнат. Доменщики собрались там.

За полночь пришла горькая весть.

Второй брат Максименко — чугунщик — стал жертвой несчастного случая. Неизвестно что хуже — профессия каталя или чугунщика. Из горна жидкий чугун выпускают по канаве на литейный двор, под открытое небо, в песок. Когда разлитый чугун начинает сверху темнеть, его посыпают песком, чтобы на нем можно было стоять, и чугунщики начинают свою адскую работу. Они ломами выковыривают красные чушки чугуна из песочных форм. Струи воды из пожарных рукавов поливают чугун и чугунщиков. Кверху валит пар. Чугунщики не могут работать в сухой одежде — сгорят. Они захватывают чушки клемшами, волочат их по песку и грузят затем на платформы. Двое хватают чугунную чушку клемшами — в ней 6, 7, 8 пудов — и подбрасывают кверху. Брат Максименко поскользнулся при взбросе, чушка сорвалась и раздавила ему череп.

Ночной кутеж оборвался. Курако подошел к своему другу. Все молчали, как всегда когда приходит смерть. Курако не знал, что сказать. Ему хотелось сказать, что то очень важное очень большое, самое важное и самое большое. Образы Джека Кеннеди и чугунщика с залитыми кровью черными усами встали перед ним.

Курако положил руку на твердое плечо Максименко и сказал, что перестроит завод по американски.

— Чугунщиков на заводе не будет. Ни одного! И каталей не будет! И на колошнике ни одного человека! Веришь мне, брат?

— Верю, — вяло ответил Максименко.

— Печь пойдет так ровно, что у горна можно будет спать. Не будь я Курако, если не заставлю вас спать, барбосы. Веришь мне, брат?

— Верю, — сказал Максименко и не поверил.

5

Курако не исполнил своих обещаний. Ему удалось установить автоматическую засыпку своей системы. Вагончики с грузом взирались на колошник по наклонному мосту и сами опораживались, ссыпая шихту в нутро печи. Колошниковые рабочие стали не нужны. Он перестроил по американски горны своих печей и поднял вдвое производительность

цеха. Дальнейшие нововведения дирекция сочла излишними. Рабочие руки были дешевы и рентабельность затрат казалась сомнительной.

Подошел пятый год. Начальник цеха Курако становится рядовым боевой дружины Краматорского завода. Боевая дружина держит в руках все движение на магистрали Харьков-Ростов. Она власть на станции Краматорская и на Краматорском заводе.

В 1906 году Курако ускользает от жандармов и возвращается на родину после пятнадцатилетнего отсутствия. Отца нет в живых и Курако вступает в права наследства. Когда формальности закончены и приложена последняя сургучная печать, Курако отдает имение крестьянам. В губернии полыхают аграрные волнения. Курако схватывают и в арестантском вагоне везут в Петербург. С этого момента он исчезает бесследно.

Идут годы — шестой, седьмой, девятый, десятый, перекатываются волны времени, — о Курако ничего не слышно на юге.

Глава вторая

ОТКРЫТИЕ КУЗБАССА

1

Профессор Леонид Иванович Лутугин лежит желтый, с провалами старческих щек, полузакрыв глаза. Он не ел четыре дня. Из за волнений последних дней у него разыгралась нервная астма. Когда приходили приступы, единственное облегчение он находил в том, чтобы дышать диафрагмой, животом, не подымая ребер. Это возможно только при пустом желудке.

В двенадцать ночи кто-то нажал кнопку звонка. В спальню, отстранив горниную, входит Федорович.

— Извините, Леонид Иванович, что я врываюсь. Ради бога не вставайте. Я только что с поезда и в Петербурге всего три часа. Мне нужно переговорить с вами немедленно.

Лутугин смотрит на ночного гостя. Он знает Федоровича давно. Они старые друзья. Леонид Иванович показывает рукой на горло и знаком предлагает сесть.

Федорович не садится. Он ходит по комнате, странно помолодевший, оживленный и взвинченный.

— Скажите, Леонид Иванович — Федорович останавливается.

ется и смотрит на Лутугина острыми, стального цвета, глазами.

— Скажите, примиренье с геологическим комитетом еще не состоялось?

Лутугин отрицательно трясет головой.

— Забастовка продолжается?

Лутугин кивает.

— Прекрасно,— говорит Федорович, прохаживаясь по комнате. Половицы прогибаются под ним. Он низкого роста плотен, плечист и весит пять с половиной пудов, хотя в его фигуре не заметно излишних жировых накоплений. Он совершенно лыс, руки и пальцы покрыты густым черным волосом, как шерстью.

Леонид Иванович Лутугин — мировая геологическая величина, знаменитый следопыт и разведчик угля, открыватель подземных Америк, прославленный исследователь Донецкого бассейна.

Он, только он с озорной и веселой ватагой своих учеников знал запутанные, петляющие, как кишki, угольные пласты Донбасса. Он составил геологическую карту Донбасса и получил за нее золотую медаль на всемирной туринской выставке.

В феврале 1914 года директор Геологического комитета Богданович сказал в публичном докладе, что группа Лутугина за последнее время ведет исследования крайне медленно: «Денег истрачено много, а сделано неизвестно что».

На заявление Богдановича гордые лутугинцы ответили забастовкой. Пока Богданович не принесет публично своих извинений, ноги их не будет в Донбассе. Вышел скандал. Лутугин нужен углепромышленникам. Он безошибочно указывал точки для закладки новых шахт. Ползая неделями на коленях в грязи, прорывая канавы, отбивая геологическим молотком белые и коричневые камеши, он находил внезапно исчезнувшие пласты.

Посредничать взялся сам фон Дитмар, председатель совета съездов горнопромышленников юга России. Примирение казалось готово было состояться, но в Петербург примчался Федорович.

2

— Прекрасно, — повторил Федорович. Леонид Иванович, вы знаете кто я?

Лутугин смотрит недоумевающе. Федорович прячет в усы улыбку.

Иосифа Иосифовича Федоровича Лутугин знает со студенческой скамьи. Лутугин был профессором, когда Федорович кончал горный институт. Леонид Иваныч хорошо помнит выпуск 1900-го года. Этот выпуск прозвали директорским — в тот год вместе кончили Пальчинский, Свицын, Гоготский, Бенешевич, Федорович. Сейчас все директора крупнейших предприятий или акционерных обществ.

Федорович прекрасно владел французским и последнее лето студенческой практики провел на юге Франции — в Луарском угольном бассейне. Еще будучи студентом, он вместе с Пальчинским перевел с французского труда Шарля Демонэ «Горное искусство».

Отец Федоровича адмирал Черноморского флота, два брата — морские офицеры. Приезжая в семью, Федорович не снимает дома инженерскую тужурку — два молоточка для него выше, чем черные орлы и золотые шевроны.

В студенческие годы Федорович считал себя социал-демократом, левым, очень левым, самым левым среди своей блестящей компании. Кончив институт, Федорович принципиально решил не идти на службу капиталу. Он отклоняет ряд выгодных предложений и становится заведующим маленькой захудалой спасательной станцией в Донбассе. Он избирает себе миссию — спасать рабочих при подземных катастрофах при пожарах, взрывах, обвалах, и считает это единственно достойным делом для инженера-социалиста.

— «Имбэцил», — говорит о сыне старый адмирал, любитель непонятных слов. Это медицинский термин, он означает идиот.

Через несколько лет спасательная станция стала вседенечкой. Федорович оснастил ее по образцу лучших станций Европы и Америки. Шесть подъездных путей расходились от нее в разные концы Донбасса. Через двадцать секунд после тревожного телефонного звонка из депо выкатывал специально оборудованный поезд, люди прыгали на подножки и в вагонах одевали маски. Первую золотую медаль с надписью «За спасение погибающих» Федорович получил в 1904 году. Было так. Подземный пожар охватил шахту Криваново. Колодец шахты затянут удушливым дымом. Он лежал внизу колыхающимся серым пластом и не поднимался — он тяжелее воздуха. Никто не решался войти в мертвое газовое море. Федорович долго рассматривал план шахты и сказал, что можно ходить внизу без опасности для жизни. Никто не поверил, и Федорович пошел один. Он пробирался по штрекам

и вентиляционным ходам, дым доходил до груди, ноги спотыкались о бревна и трупы.

На восстающей выработке Федорович нашел живых, забаррикадировавшихся брезентовым парусом от дыма. Федорович вывел их на гору. Его китель почернел внизу, лицо было белым. Он никогда не рассказывал о часе, проведенном над тяжелыми волнами удушливого дыма. Лишь однажды, чтоб отделаться от вопросов, Федорович сказал:

— Здесь не было отваги, только аналитический расчет. Я руководствовался теорией движения легкой жидкости в тяжелой. *девять (всем)*

В пятом году Федорович не может усидеть в Донбассе. Он едет в Петербург и издает журнал с.-д. направления «Труд техника и инженера». За два года девять раз правительство закрывало журнал и он девять раз возрождался под привычным названием «Труд и техника», «Труд техника», «Техника и труд». В просторной квартире Федоровича на Загородном помещался в пятом году Всероссийский союз инженеров и Союз союзов.

Революция подавлена. Спускалась ночь после битвы. Шел 1908 год, год отреченчества, столыпинских галстуков, богоискательства и декаденства. В 1908 году Федорович влюбился в красавицу Елену Евгеньевну Баньолесси. Обрусевшая семья Баньолесси осела в Петербурге. Горные инженеры собирались в их уютной квартире. Елена, Леля, была почти девочкой, тоненькой и смуглой. Она щелкала Федоровича по прступающей лысине, звала его Оськой, дразнила Моськой. Свадьбу сыграли в девятьсот девятом. Федорович любил жену, как одержимый. Она хотела выезжать, одеваться, жить. В девятом году Федорович впервые принимает выгодное предложение — он становится директором Берестово-Богодуховского рудника, запущенного и разрушенного после огромного пожара.

Приезжая к отцу, Федорович попрежнему не снимает дома инженерскую куртку. Расставшись незаметно и легко с социализмом, Федорович не считает себя ренегатом — перекрещенные молоточки для него попрежнему выше двуглавых орлов и золотого шитья. «Нормален», — говорит старый адмирал о сыне.

В один год Федорович выводит Богодуховку вперед. Это десятый — холерный год. Холера свирепствует в Донбассе. В паническом страхе бегут рабочие с шахт. Федорович ежедневно в белом халате обходит больницу и холерный барак. На глазах рабочих он здоровается за руку с холерными боль-

ными. Ему удается сбить волну паники. Бегство с рудников прекращается. Окрестные шахты сокращают добычу из-за отсутствия рабочих рук, у Федоровича работы идут нормально.

— Здесь не было риска, только расчет, — говорит Федорович впоследствии. — У французов есть поговорка — трудные положения создаются для того, чтобы выходить из них с выгодой. Я принимал соляную кислоту и мыл руки карбонатом. Заболеть я не мог.

С этого времени благосостояние шахты Федорович измеряет количеством оседлых рабочих и количеством коров. Он вводит премирование за огороды и насаждения. В 1912 году он считается лучшим директором Донбасса и получает 12 тысяч в год.

Все это знает Лутугин. Он не понимает усмешки Федоровича.

— Нет, Леонид Иванович, не угадаете. С первого января я директор-распорядитель Копикуза.

Взгляд Лутугина попрежнему выражает непонимание.

Федорович ходит по комнате и обясняет. Копи-Куз — это копи Кузбасса. Копикуз — это новое акционерное общество. Владимир Федорович Трепов, тайный советник, придворный, брат знаменитого Дмитрия Трепова «патронов не жалеть» и Александра Трепова, министра путей сообщения, получил от кабинета его величества в концессию на 99 лет до 2012 года целое государство между Обью и Томью. Там лежала Кузнецкая угленосная котловина, Кузнецкий бассейн. Какими сложными и тонкими ходами удалось Трепову пробить брешь в кабинете — этого Федорович не знал. Здесь была тайна.

Свои права Трепов передал акционерному обществу Копикуз. Он получил куртаж — 100 тысяч рублей и был избран председателем общества со стотысячным годовым окладом. Директором-распорядителем общество пригласило Федоровича с окладом 24 тысячи в год.

Лутугин никогда не бывал в Кузбассе. Производить исследования на кабинетских землях строжайшее запрещалось. Геологи кабинета, носившие офицерскую форму, определяли угольные запасы Кузнецкого бассейна в полтора миллиарда тонн действительных и одиннадцать миллиардов возможных. Ерунда. В шесть раз меньше Донбасса.

— Дикое место, Леонид Иваныч, — говорит Федорович. — Анализы исключительные — уголь без золы, без серы. Где пласти, сколько их — не знает ни одна собака. Двинем, Лео-

нид Иванович, на новые места. Дадим Уралу кокс. Понимаете, что это значит — дать Уралу кокс. Вырастут заводы покрупнее южных. Переместятся промышленные центры.

Лутугин знает, что Федоровичу можно верить. Ему приятно присутствие этого человека, который, казалось, вибрирует от жизненного возбуждения. Леонид Иваныч повертыивается, садится и неожиданно вздыхает всей грудью. Боли нет, дышится легко. Приступ ушел неожиданно, как всегда.

— Осип Осипыч, едем к нашим, они ведут все переговоры, боюсь, что вы опоздали.

В половину второго приятели будят лутугинскую ватагу на Петербургской стороне. Леонид Иваныч подобрал себе команду талантливых озорников, работяг и чудаков. Снятков, Авенир Авенирыч, отказался сдавать дипломную работу в горном институте, прекрасно зная курс. Он считал диплом буржуазным предрассудком. Лутугин взял Сняткова к себе. Гапеев, Александр Александрович, здоровяк и силач, печатал научные работы будучи студентом, в дни студенческих забастовок, бросал в аудиториях химические бомбы и дважды исключался из института. Его взял Лутугин к себе. В лутугинской группе было четырнадцать молодых геологов. Шесть из них была запрещена государственная служба и двум проживание в столицах.

Ночью вопрос был решен. Федорович уговорил лутугинцев окончательно плюнуть на Донбасс, показать Богдановичу шиш и ехать на разведку Кузбасса.

В процедуре составления договора Леонид Иваныч не участвовал. В таких вещах он был младенцем и мог запротестовать за гроши. Переговоры с Федоровичем вели Снятков и Гапеев. Леонид Иваныч поставил только два условия: во-первых, результаты разведок он считает достоянием науки и будет публиковать во всеобщее сведение, не стесняясь коммерческими тайнами, во-вторых, он не согласен получать ни копейки больше, чем его ученики.

Условия были ультимативными и правление Копикуза согласилось. Лутугину нельзя было предложить меньше восьми тысяч в год. Все лутугинцы получили по столько же.

Копикуз не останавливался перед затратами. После разрыва с Богдановичем лутугинцы не считали возможным пользоваться библиотекой геологического комитета, и Федорович купил для них превосходную геологическую библиотеку Глушкова, замечательно подобранныю, со множеством редчайших изданий. Это обошлось около десятка тысяч. В Петербурге была снята для геологов квартира, в ней обору-

дovана лаборатория, кабинеты, поставлены телефоны. Были приобретены микроскопы, компасы, палатки, всяческие приборы и инструменты вплоть до больших банок из толстого стекла с герметически завинчивающимися крышками для хранения образцов. Всем лутугинцам Копикуз презентовал бельгийские охотничьи ружья.

В марте 1914 года группа Лутугина отправилась в Кузбасс.

3

Восьмого июля 1914 года в свои владения выехал Владимир Федорович Трепов. К курерскому поезду прицепили салон-вагон Копикуза и платформу с двумя автомобилями, укрытые брезентом. С петербургского вокзала Трепов отправил две телеграммы — начальнику Алтайского горного округа генералу Михайлову и директору Копикуза — Федоровичу.

«Выезжаю вместе французскими русскими горными инженерами. Тринадцатого июля буду станции Юрга чтобы проехать оттуда Кольчугино потом Тельбес. Трепов».

Пять дней несся курьерский поезд на восток. Смотреть в окна было утомительно. За Уралом шла равнина, пустая и гладкая, как мертвое морское дно. Города были похожи на деревни.

Федорович встретил гостей в Юрge. Из вагона вышел Трепов, розовый и слегка надушенный, с круглой рыжеватой бородкой, в скромном сером костюме и соломенной шляпе канотье. Владимир Федорович был огненно рыжим и стригся на голо.. Начальник станции вытянулся для рапорта. Трепов улыбнулся, сказал «не надо, не надо» и пожал ему руку.

Владимир Федорович необыкновенно деликатный человек. В семье Треповых он был единственным рыжим и либералом. Когда-то он служил в гвардии, был губернатором Туркестана и членом Государственного совета. В годы реакции Трепов выступил против Столыпина. Ему дали отставку, уволили из Государственного совета и послали путешествовать за границу. По возвращении Трепов дал обещание политикой не заниматься. Ему было даровано августейшее прощение.

На высочайшей аудиенции Николай спросил:

— Чем ты теперь займешься, Владимир Федорович?

Трепов сказал, что чувствует склонность к промышленной и коммерческой деятельности.

— Не еврей ли ты, рыжик? — сострил Николай и расхохотался. Владимир Федорович покраснел и не улыбнулся го-

сударевой остроте. Он всегда считал царя хамом. Николай обещал покровительство новому дельцу.

— Иди в кабинет, что нибудь выбери там,— сказал император.

Канцелярия кабинета его величества помещалась в Аничковом дворце на углу Литейного и Фонтанки. Кабинет ведал землями, составлявшими личную собственность царя в отличие от удельного ведомства, управлявшего земельными угодьями членов императорской фамилии.

Два огромных куска земли, каждый величиной в Центральную Европу, принадлежали царю — Алтайский округ и Забайкалье. В Алтайском округе умещался Кузнецкий бассейн и за тысячу километров от него риддеровские полиметаллические месторождения, содержащие золото, серебро, свинец, цинк и медь. Алтайский округ не давал кабинету прибыли. Уголь не разрабатывался за отсутствием рынка. Геологи кабинета уделяли каменному углю не больше внимания, чем всякой другой горной породе, и на геологической карте Алтая оконтуренная площадь угленосных отложений носила название «площадь красных песчаников каменноугольной системы». В начале прошлого столетия кабинет делал попытки самостоятельной добычи серебра и свинца, но после истощения самых богатых месторождений дело было оставлено из-за трудностей. Богатства Ридера заброшены к черту в зубы, за тысячу километров от железной дороги, в голый гористый безлесный район. Кабинет отдавал в концессию риддеровские месторождения. Пять концессионеров прогорели там, и в 1910 году кабинет отдал Ридер за бесценок знаменитому Уркварту.

В канцелярии кабинета Трепов встретил Мамонтова — младшего и неудачливого сына большого Мамонтова, Саввы Иваныча, известного купца, покровителя искусств и строителя Архангельской железной дороги. Мамонтов, промотавшийся барин с холеной бородой, обосновался в Барнауле заведующим химической лабораторией Алтайского горного округа. Через его руки проходили образцы руд и углей. Мамонтов рассказал Трепову о богатствах Кузбасса. Трепов задумался. Знакомые дельцы не посоветовали ему связываться с кузнецкими углами — они помнили прогоревших концессионеров Ридера. Трепов попросил у кабинета золотоносные участки в Забайкалье. Ему отказали. Мамонтов пришел к Трепову в особняк. Он рассказал о Цейдлере, директоре Надеждинского — самого крупного уральского завода. Цейдлер выступал реформатором старого Урала. Он перео-

борудовал надеждинские домны и поставил производство рельсов, которые раньше не катали на Урале, для этого слишком дорога древесно-угольная сталь.

Стране не хватало металла, с 1911 года был разрешен беспошлинный ввоз железа в Россию, его везли по морю и по суше из Западной Европы и Цейдлер решился на опыт, который изумил Урал. Цейдлер организовал примитивный выжиг кокса на краю Кузнецкого бассейна, заарендовав крестьянские участки, выходившие за пределы владений Кабинета. Производство кокса не ладилось, но уральский новатор, пренебрегая насмешками и предостережениями, упрямо добивался своего.

Трепов подумал и решился. Он попросил концессию на Кузнецкий бассейн. Она всемилостивейше была ему дана. Вместе с Мамонтовым Трепов отправился по банкам. Он предлагал недра и искал капитал. Ни один банк не согласился взять недра Кузнецкого бассейна. Русские банкиры с улыбкой разъясняли Трепову элементарнейшие вещи: капитал не может оставаться неподвижным, он требует вложения, но нуждается в одном условии, это условие — гарантированная прибыль.

— Мы получим там рубль на рубль, — уверял Трепов.

Каминка, бывший марксист, глава Азовско-Донского, самого солидного из русских банков, ответил Трепову:

— Вы наивны, Владимир Федорович. Это у Маркса написано, что капитал становится разбойником и очертя голову бросается куда угодно, если поманить его стопроцентной прибылью. Дайте нам двадцать процентов, но наверняка. Нет ли там рассыпного золота в этом вашем бассейне?

Трепов не мог возразить — он не знал Маркса и не имел рассыпного золота.

Отчаявшись, Трепов выехал в Париж, захватив Мамонтова, концессионный договор, образцы и анализы угля и краткий меморандум, отпечатанный по-французски на меловой бумаге. Парижский маклер свел Трепова с банками и финансистами, которые специализировались на колониальных странах. Удалось заинтересовать сомнительную и несолидную фирму, носившую звучное название — Акционеровое общество железных дорог Африки и Азии.

Председатель правления мосье Бардак, низенький неряшливый еврей с брюшком, принял Трепова в кабинете — темной комнате с запыленными окнами и немытыми полами.

— Что даст нам это дело? — спросил Бардак, ковыряя в зубах.

— Миллионы,— ответил Трепов.

— Я верю, там есть хорошие угли. А сбыт? Слишком стесненный рынок.

— Мы имеем покровительство кабинета его величества.

— А сбыт? — повторил Бардак. — Впрочем... Обеспечена ли вам поддержка военного ведомства?

Трепов перечислил свои связи. Бардак смягчился, узнав что начальник главного артиллерийского управления ближайший друг Трепова.

Африканско-азиатское общество согласилось прощупать дело. Бардак послал с Треповым двух инженеров-французов Громье и Барильона — обследовать положение на месте.

В 1913 году французы в сопровождении Трепова осмотрели Кузнецкий бассейн, побывали на Тельбесском железорудном месторождении, написали брошюру «Миссион д'Алтай» (Алтайская экспедиция) и дали умеренно благоприятный отзыв о бассейне. Мосье Бардак согласился финансировать дело, при условии, что в долю войдет один из русских банков. Азовско-Донской отказался, Русско-Азиатский отказался, согласился Петербургский Международный.

В ноябре 1913 года министерство торговли и промышленности зарегистрировало акционерное общество Копикуз с капиталом в 6 миллионов рублей. Перед обществом всталас задача — создать рынок кузнецкому углю. Металлургический завод — крупнейший потребитель угля. Трепов заручился согласием брата — министра путей сообщения — дать заказ Копикузу на рельсы. Главное артиллерийское управление гарантировало военные заказы. 100 миллионов рублей требуется на постройку завода — это вне масштабов мосье Бардака. Он заинтересовывает пушечную и металлургическую фирму Шнейдер-Крезо. В июне 1914 года они прибыли в Петербург — Бардак с сыном, Громье и доверенный Шнейдер-Крезо — горный инженер Рено¹. Старый Бардак остался в Петербурге, остальные выехали с Треповым в Сибирь.

Вслед за Треповым из вагона выходят французы: Бардак-сын — Трепов называет его бардачок, — за ним Рено, толстый, с седыми усами и длинным желтым лицом, последним прыгает с подножки молчаливый Громье. С платформы скатали машины. За рулевое колесо сел Федорович и двинулся впереди, указывая дорогу. Вторую машину повел Рено.

¹ Фамилия вымышленная. Настоящую фамилию представителя фирмы Шнейдер-Крезо установить не удалось. Это единственная вымышленная фамилия в тексте.

В Кемерово — центральный пункт Кузбасса, где расположилась штаб-квартира лутугинской группы — приехали к обеду. Трепова качали — он улыбался, пожимал руки и бросил рабочим сто рублей на водку.

День стоял чудесный. После обеда вся компания вместе с Лутугиным выехала по реке Томи на моторной лодке, захватив копикузовского повара Федю, горького пьяницу и мастера на все руки. Правый обрывистый берег вздымался крутизной. Желтый глинистый песчанник исполосован наискось черными выходами угля как зебра.

Подъехали к кемеровской штоле. Ее устье выходило на реку и в половодье можно на лодке въезжать в огромный, длинный коридор, прорубленный в сплошном массиве угля.

Выйдя из штолиши вскарабкались по обрыву. Федя обмакнул французам сапоги, притащил из лодки бутылки, икру, консервы, пирожки и разложил костер.

Трепов разделся и полез в реку. Он любил воду, как утка. В вагоне он принимал искусственный душ из огромного резинового мешка.

Лутугин нарвал букет диких тюльпанов. Из их чашечек слили водку. Федорович притащил снизу полную корзину угля. Руки его почернели. Он бросал куски угля в костер и следил, как они краснели, трескались и исчезали, как бы растворяясь в пламени. Разговор шел по-французски.

— Сокровища валяются под ногами, — сказал молодой Бардак.

— И их не берет никто. Кому нужен уголь в этой пустыне? — поморщился мосье Рено.

Рено и Бардак пикнировались всю дорогу. Бардак восхищался ландшафтом, Рено поражался безлюдью. Он все брал под подозрение. Царство Копикуза явно не нравилось ему. Он бросил банку из-под шпротов и искоса взглянул на измазанные руки Федоровича. Федорович перехватил взгляд и скрутил его покраснели. Он сжал пальцы и в кулаке хрестнул уголь.

— Это не грязь, — сказал он. — Здесь самый чистый уголь во всем мире. Это лучшие коксующиеся угли. Смотрите, какая прелесть.

Федорович разжал ладонь и протянул Рено кусочки и крошки раздавленного угля. Они играли на солнце матовым неярким блеском.

Рено достал из кармашка лупу, протер ее замшей и взял двумя пальцами кусок. Он рассматривал его полминуты.

— Уголь обманул вас,— проговорил он язвительно и вежливо. Он годится только для паровозных топок.

Отбросив кусок, он вытер пальцы носовым платком.

— Леонид Иваныч, разрешите ваш молоток.

Лутугин передал Федоровичу геологический молоток с длинной полированной ручкой. На камне Федорович растолк в муку несколько кусков угля. Он ударял яростно и осторожно. В коробку из под шпротов он высыпал угольную пыль, утрамбовал ее, забил зазубренную отогнутую крышку и щели замазал глиной. Он разгреб костер, бросил банку в самый жар и высыпал сверху уголь из корзины. Зеленоватый, рвотного цвета и противного запаха дымок пополз по ветру. Федорович побежал к реке мыться.

Солнце заходило. Лутугин встал. Седая борода охватывала его лицо, как веер. Он показал рукою на юг. Уходящее солнце окрасило розовым какие-то далекие снежные грани высокой горы.

— Эта гора Мустаг. По русски — Белок. Мы видим ее за полтораста километров. Я не знаю места, где воздух так прозрачен.

Лутугин стал говорить о Сибири. Он влюбился в эту страну. Он вынул из бумажника и показал фотографию. На снимке была лутугинская группа спустя несколько дней после приезда. Они расположились полукругом у сугроба снега. В центре стоял Лутугин с букетом цветов, которых не знает средне-русская равнина. Дикие орхидеи с чашечками величиной в маленький стаканчик; огоньки яркого и чистого тона, как хорошо обожженный кирпич; одонисы и пульзотилы, из которых делают лекарства. Цветы собрали здесь же, рядом с сугробом. Это сибирская весна. Не сошел еще снег в затененных сопками впадинах, а рядом лопухи встают выше человеческого роста.

Чем дальше к востоку, тем воздух суще. В Казани суще, чем в Москве, в Омске суще, чем в Казани. Выстиранное белье в Сибири просыхает скорее. Рояли и пианино в Сибири рассыхаются, и в крупных сибирских городах есть специальные мастерские по переборке рассохшихся инструментов. Сухой воздух Сибири необыкновенно прозрачен. Вечерние зори и лунные ночи Сибири красивее западных. Звезды ночного неба крупнее. Весенний ковер богаче.

Федорович долго плескался и плавал. Он растерся на берегу до-красна. Солнце зашло. Из лодки он захватил ведерко с водой. Совсем стемнело, когда Федорович выгреб жестянку из костра. Глина почернела и потрескалась. Федорович не

стал ждать, пока коробка остынет. Он поставил ее на ребро, прицелился и одним взмахом отбил крышку.

Красный камень отлетел и засветился в ночи. Трава вокруг него задымилась. Федорович плеснул из ведра. Камень зашипел и погас. Федорович взял его в руки, ладони ожгло и Федорович кинул камень высоко вверх. Он шлепнулся о землю и не разбился. Угольная пыль спеклась. Камень был коксом. Все поочередно брали его и он не пачкал рук.

— А много ли здесь угля? — спросил представитель Шнейдер-Крезо. Впервые в его голосе послышался живой интерес.

— По данным кабинета, двенадцать с половиной миллиардов тонн — ответил Трепов.

Федорович вскочил.

— Я ручаюсь, что здесь несколько десятков миллиардов. Не меньше, чем в Донбассе.

— Разрешите сказать мне.

Все обернулись к Леониду Ивановичу. Мировое имя Лутугина известно французам.

— К вашему приезду я сделал приблизительный подсчет. Здесь шесть Донбассов. Здесь угля больше, чем в Германии и Англии вместе взятых. Здесь 250 миллиардов тонн, господа.

Все молчали.

За четыре месяца работы Лутугин выяснил общий характер бассейна. В Донбассе он разработал свой метод прослеживания запутанных путей угольных пластов. Он ввел в науку слово «свита». Он тщательно собирал и изучал под микроскопом породы, идущие сверху и снизу пласта — известняки, песчаники, сланцы. Угольный пласт идет вместе с облегающими его породами — они повсюду сопровождают его, как свита.

Лутугинцы разбились в Кузбассе на три партии и пошли по течению рек. На Томи у деревни Балахна был обнаружен выход колоссального пласта, толщиною 15 метров — выше четырех этажного дома. Таких пластов Лутугин не видал нигде. По берегам рек, прорезающих бассейн, лутугинцы искали обнаженных горных пород. За сто, за двести километров от деревни Балахна, они находили породы в точности такие, какие облегали выход пятнадцатиметрового пласта у Томи. Не видя угля, лутугинцы знали, где он проходит. В Кемерово они везли со всех сторон груды разноцветных камней. Первую свиту Лутугин назвал балахонской. Широкой лентой она шла вокруг всего бассейна, окаймляя его. За ба-

лахонской шла безугольная или пустопорожняя свита. Дальше — кемеровская. На поверхности свиты шли концентрическими кругами, в глубину бассейн походил на срезанный сверху качан капусты. Нижний лист балахонская свита, второй — пустопорожняя, третий — кемеровская и т. д. Угленосная чаша была глубиной 8 километров.

Все молчали. И только Рено повторил еще раз:

— Кому нужен уголь в этой пустыне?

На следующий день Трепов повез иностранцев на Тельбес.

4¹

На Тельбесе Трепова ожидал Павел Павлович Гудков, молодой профессор Томского технологического института. Мягкий, добрый человек с русыми волосами и развинченной походкой, он был самым даровитым из сибирских геологов. Ему поручил Федорович разведку руды.

Гора Тельбес подготовлена к приезду иностранцев. Гудков вместе с бароном Фитингофом — заместителем Федоровича еще раз оглядели ее. Они смотрели на гору сверху. Она стояла как на блюде. Штольни, пробитые в массиве магнитного железняка, открыты и можно заглянуть в их темную пасть. Канавы и шурфы расчищены и обведены жидким мелом. Буровые скважины отмечены столбиками с надписями. Можно сразу понять, где и какого качества лежит руда. Река Тельбес омывает гору. Дно реки железное. Предполагалось, что руда идет дальше за реку и противоположный берег тоже железный.

Гора стояла на столе. Это макет, тщательно выполненный Павлом Павловичем Гудковым. Больше двух недель со дня получения известия о приезде Трепова Гудков мастерил из дерева и глины железную гору. Даже барон Фитингоф, присланный Федоровичем, не мог не признать, что идея представить Тельбес в миниатюре — превосходна. Вместе с Гудковым он увлекся макетом и приклеивал веточки пихты на вершину горы.

— Владимир Федорович может увезти эту гору в Петербург — сказал Фитингоф. Он будет там всем показывать, сколько железа имеет в Сибири Копикуз.

Из Томска верхами прибыли повара. Волоком и вьюком —

¹ Сцена приезда Трепова на Тельбес была написана в черновом виде покойным Н. Г. Смирновым, членом бригады писателей по истории Кузнецкстроя.

телега на Тельбес не проходила — доставили кровати на сетках, столовое серебро, белье. В корзинах привезли закуски, в ящиках — шампанское. У шорцов — маленького охотничьего народа с плоскими лицами и зоркими глазами — скучили рыбчиков. Из комнат самого большого дома выкурили комаров и гнус. Окна забелели марлей. Дорожки к штолням и к реке подчистили и посыпали песком.

18 июля утром прискакал верхом Федорович. Под мордой его лошади гремел большой колокольчик. В тайге так отгоняют медведей. Он обогнал кавалькаду Трепова и явился первым на Тельбес, чтобы проверить, все ли в исправности. Он прошел по дорожкам, заглянул в комнаты, узнал, что готовят ужинать. Все было в порядке.

О макете Гудков молчал. Он хотел сделать Федоровичу сюрприз. Миниатюрный Тельбес стоял на столе в конторе.

— Это что? — спросил Федорович.

Гудков улыбаясь разъяснил и, указывая на столбики, тут же подсчитал запасы Тельбеса. Он округлил цифру и подвел итог — шесть с половиной миллионов тонн.

— Топор, — сказал Федорович быстро.

Ему подали топор и он с плеча, как забойщик, разбил в куски игрушечный Тельбес. Дерево, глина и стекло разлетелись по полу. Сторож старик Костенко, качая головой, убрал остатки красивой игрушки.

Вдали звенели уже колокольчики Трепова и иностранцев.

Первый день отдыхали. Молодой Бардак восхищался всем. Он сделал три дюжины снимков в душистой тайге, заросшей пыреем и густо оплетенной хмелем и синим башмачком. Виды Тельбеса он находил красивее швейцарских, пиxты стройней кипарисов. Узнав, что шорцы язычники, он захотел непременно купить идов из бересты и перьев. Был вызван охотник Майдаков, проводник Гудкова. Федорович переводил его рассказ. Француз записывал в книжку мудреные названия шорских богов — Ульгена — бога земли и неба, и бога-разрушителя — Одазы, что значит отец.

— А много ли здесь руды? — перебил Рено.

Вопрос перевели.

— Черный камень? Иди тайга. Много, много, черный камень. Мой будет показать.

Майдаков рассказал легенду шорцов о железе. Предводитель дьяволов Ярлык-Баш-Хан подрался с духом гор — Темир-Баш-Тагом — железной головой. Три дня и три ночи продолжался бой. Реки вышли из берегов. С деревьев опали листва. Гром стоял на горах. Предводитель дьяволов побе-

дил. Железная голова Темир-Баш-Тага разбилась на куски. С той поры появилась в тайге горы из черного камня.

— Теперь эти горы принадлежат нам,— пояснил Трепов.

На следующее утро приступили к ознакомлению с Тельбесом. Павел Павлович плохо владел французским. С трудом подыскивая слова, он разъяснял, какие богатства таит в себе гора. Федорович помогал Гудкову в каждой фразе. Цифры запасов Федорович не назвал. Он сказал, что рудные богатства Тельбеса неисчислимы, что речь идет о десятках, а возможно и сотнях миллионов тонн. Гудков понял, почему был уничтожен макет.

Пошли смотреть руду в натуре.

Штольня Семейная пробита в сплошной руде. В ней стены, потолок и пол — железные. Руда черна и куски ее глухо звенят при ударе друг о друга, как чугун. Мелкая пыль магнитного железняка пристает к молотку и пушистыми сосульками свешивается со стального бойка. Мосье Рено надел странную куртку, которая вся была покрыта маленькими карманчиками и казалась сшитой из них. В каждом карманчике лежал белый холщевый мешочек под номером. Рено отбрасывал куски первоклассной руды, которые подносили ему. Он укладывал в мешочки пустую породу и куски руды с белыми жилками кальцита и золотистым налетом серы. Положив образец, он тут же что-то записывал в книжку. Гудков изподтишка передразнивал француза и Трепов, улыбаясь, грозил ему пальцем.

В конторе на канцелярских столах, покрытых скатертью, сервировали торжественный обед. Шампанским запивали тосты. Рено сел за стол в своей куртке с карманчиками. Он никому не доверял ее. Он пил не меньше других и, казалось, его скептицизм начал таять.

Трепов провозгласил тост за союз русского и французского народа. С бокалом встал Федорович.

— Один из наших любезных гостей спросил, куда девать колоссальные сокровища угля в сибирской пустыне. Здесь в глухой тайге на тельбесских рудах мы воздвигнем металлургический завод. Наш кокс будет свежей кровью для одряхлевшего Урала. Сибирь — огромная, дикая страна, которая не знает железа — поглотит миллионы тонн металла. Владимир Федорович поднял бокал за союз народов. Я пью за союз капиталов.

Все закричали «ура».

Рено поднялся для ответного тоста. За столом стихло и все услышали вдруг звон железного колокольчика. Он зве-

нел слишком лихорадочно. Видимо, верховой гнал галопом по просеке. Тяжело дышащая лошадиная морда показалась в окне конторы. Верховой подал телеграмму. Она адресована Трепову.

— Господа,— сказал Трепов, вскрыв телеграмму. — Германия объявила войну России.

И повернулся к Федоровичу.

— Прошу распорядиться, немедленно лошадей.

Обед прервался. Рено не сказал своего тоста. Он вышел из конторы и выбросил камни из своих карманчиков.

Все поняли, что теперь вряд ли найдутся капиталы, чтобы освоить новый район, провести железную дорогу, заложить рудники и построить завод.

На дворе спешно седлали лошадей. Гости уехали под вечер и Тельбес погрузился в темноту и неизвестность.

Глава третья.

ТЕЛЕГРАММА

1

Максименко вернулся из ссылки в 1913 году. Он отпустил длинные жесткие усы, черные и блестящие, как смоль. Такие усы носили его братья — чугунщик, раздавленный в Мариуполе, и колошниковый рабочий, сгоревший на Брянке.

Максименко ехал в Юзовку — центр металлурического юга — наниматься горновым или подручным. В окне показалось тяжелое красно-буровое облако. Будто прижатое к земле, оно недвижно лежит среди степи. Ветер обтекает, лижет его и не может сдвинуть. Это Юзовка. Скопище пыли непроницаемо для глаза — даже трубы завода не угадываются в нем.

В этом городе даже солнце кажется грязным. Среди дня на него можно смотреть незащищенным глазом. Зелень в Юзовке не зелена. Черно-бурый слой мельчайших частичек руды и угля покрывает листья и траву. Этот налет можно снимать пальцем с глянцевитой поверхности листьев, как сажу с закопченого стекла. Сады директорской дачи и бальфуровского дворца, куда приезжает каждое лето главный акционер завода, брат военного министра Великобритании, лорд Бальфур с сыном, омываются ежедневно из бранспойтов.

Сквозь пробоину в заводской ограде Максименко входит на территорию завода. Десятки гигантских факелов пылают

над батареями коксовых печей. Огонь ярко красен даже при свете дня. Это сгорают коксовые газы — старые коксовые печи Юзовки не знают приборов улавливания газа. Следы разрушения и изношенности лежат на лице самого старого южного завода. Напирая плечами, катали продвигают вагонетки без рельсов по чугунным плитам. Плиты сошли с мест, покосились, кое-где отбиты углы, и выбоины темнеют, как гнезда выпавших зубов.

По железной лесенке Максименко поднимается на рабочую площадку домны № 6. Горн протекает и свистит. Мокро и грязно.

Максименко спускается и переходит на рабочую площадку соседней печи. Он останавливается в изумлении. Несколько доменщиков лежат на сухом чисто подметенном полу. Двое спят. Максименко видит это совершенно ясно. Один стоит, глядя в глазок фурмы сквозь синее стекло. Печь с головы до пят герметически закована в железную броню. Охлаждающая вода спрятана в трубы. Ни одной капли не проступает наружу. Максименко бежит и наклоняется над спящими. Ровное дыхание, испарина на побледневших лбах. Они спят, спят, — в этом не может быть сомнения.

Максименко кричит, не помня себя.

— Где Курако? Где Курако?

Кто-то отвечает без удивления:

— Он прошел на литейный двор.

Курако стоит во дворе доменного цеха. Он одет, как мастеровой — синие широкие штаны, синяя куртка. Рядом высокий худой человек. Его странная шляпа — плоская, с широкими полями — бросается в глаза: такие шляпы носят ковбои в американских трюковых картинах.

На литейный двор прямо к печам въезжает коляска. Лакированные крылья матово блестят сквозь свежую пленку пыли.

С подножки соскакивает Адам Александрович Свицын — директор завода. Он похож на офицера гвардии в штатском. В его движениях четкость соединяется с изяществом. С первого взгляда видно, что он великолепно танцует. Свицын светский лев среди инженерства юга, самая яркая его звезда, самая блестящая карьера.

Два человека подходят к Курако с разных сторон — директор завода и вернувшийся из ссылки горновой.

— Здравствуйте, Михаил Константинович! говорит Свицын. Из правления получен ответ на ваше предложение. Пойдемте...

— Курако? Константиныч! Ты ли?

Курако оборачивается и видит молочного брата. Они обнимаются, целуются, откидываются назад, смотрят друг другу в глаза и обнимаются вновь.

Курако мало изменился за восемь лет — он отпустил усы и бородку табачного цвета, глаза остались прежними, светлыми, синими, как фиалки.

Свицын прищуривает глаз. Он ожидает. Скулы двигаются, будто он жует.

Курако обращается к человеку в американской шляпе.

— Знакомьтесь. Это Максименко, я рассказывал о нем. Это Бардин, Иван Павлович, — мой помощник.

Максименко не привык здороваться с инженерами за руку. У Курако все было иначе — Бардин крепко тряхнул руку горнового.

Курако обращается к Свицыну.

— Иван Павлович, — говорит он Бардину. — Слышали, получен ответ. Пройдите с Максименко ко мне. Я скоро приду.

Свицын пожевывает. Он садится вместе с Курако в коляску и молчит всю дорогу.

2

Максименко и Бардин ждут Курако.

В Юзовке у Курако квартира в восемнадцать комнат. Он занимает две, остальные пустуют. В самой большой комнате стены выложены книгами. Корешки, как разноцветные кирпичики, поднимаются до потолка. Здесь беллетристика, история, социология, и ни одной книги по металлургии. На большом столе несколько пузатых квадратных папок, похожих на переплетенные комплекты газет. Это знаменитый куракинский альбом чертежей. Из заграничных и русских журналов, из книг Курако вырезывает чертежи, собирает из заводских архивов и вклеивает в альбом. Таких альбомов в России только два — у Курако и у профессора Михаила Александровича Павлова, отца русской металлургии.

Рядом с папками пишущая машинка «Мерседес». Ее косой курсивный шрифт знают в Юзовке, в Мариуполе и на Краматорке. Курако отмечает интересные статьи в американских журналах, их переводят и размножают на «Мерседес». Курако рассыпает их своим ученикам.

После ареста Курако отбыл ссылку в Вологодской губернии и скитался потом за границей — в немецкой Польше и в Бельгии. Курако не любил вспоминать об этих годах. То-

варищи уговаривали его стать подпольщиком-профессионалом. Курако не пошел в подполье.

В 1910 году он вернулся к любимым печам. Свинцын пригласил его начальником доменного цеха Юзовки.

В Юзовке Курако перестроил две печи — наклонные мосты, американские глубокие горны, пушки. Печи шли ровно и выдавали чугуна вдвое больше, чем раньше.

Летом 1912 года в Юзовку, как обычно, приехал из-за моря Бальфур. Он имел обыкновение обходить завод в день приезда. Курако приказал рабочим горна поднести площадку и, оставив одного дежурным, лечь, уснуть.

Через два часа на площадку поднялся Бальфур. Никто не вскочил. Бальфур покраснел. Курако стоял подле печи, ожидая взрыва. Бальфур повернулся и вышел, не сказав ни слова. Он прекратил обход и уехал в главную контору. Туда вызвали Курако. Курако сказал, что спящие у горна рабочие — высший класс доменного искусства. Если рабочие спят, — значит, печь идет отлично, не зависает, фурмы не прогорают, вода не сочится.

— Я прошу одного, — сказал Курако. — Разрешите мне быть первоклассным доменщиком.

Бальфур рассмеялся.

— Ваш юмор победил меня, — сказал он.

Три года провел Курако на Юзовке. За три года он дал югу двух начальников доменных цехов, трех помощников и шесть горновых.

Студенты-практиканты целыми днями обстреливали Курако вопросами — он водил их к себе и переворачивал страницы огромного альбома.

В распоряжения сменных инженеров, ведущих плавку, Курако никогда не вмешивался. Ошибки разбирались, когда инженер кончал смену.

— Пусть плавает сам, — говорил Курако. — Через год он будет готовым начальником цеха или из него никогда не выйдет доменщик.

Курако сам рассыпал своих выучеников. Американские печи Мариуполя, привезенные Джулианом Кеннеди, и Краматорки, перестроенные Курако, повели инженеры, окончившие Юзовскую академию. В Мариуполе и на Краматорке вновь ввели в употребление забытые снятые с петель пушки. Ими стреляли горновые, прошедшие в Юзовке школу Курако.

В 1912 году Курако увидел во дворе заводе высокого худого человека в широкополой шляпе блином. Американская шляпа заинтересовала Курако и он подошел к Бардину.

Бардин только что вернулся из Америки. Два года Бардин работал на заводе Ферри — величайшем в мире, и только на юзовском заводе в разговорах с Курако осмыслил, что видел за океаном. В Юзовке Курако открыл Бардину Америку. Разрозненные впечатления Бардина получали идею в комментариях Курако и давали форму, полновесную и плотную, мечте русского доменщика-американиста.

Металлургический процесс построен у Герри на основе непрерывного потока. С Верхних Озер движется конвейер пароходов с рудой к заводским пристаням. По железной дороге каждые пять минут походят составы с углем. Гигантские грубые механизмы опрокидывают руду в огромные печи, неизвестные Европе. По непрерывной ленте к печам ползет кокс. Металлу не позволяют остить до превращения в готовое изделие, в рельс, балку, цельнотянутую трубу. Жидкий чугун из ковшей выливают в сталеплавильные печи. Раскаленным болванкам стали не дают потемнеть. Огромные и красные как свежеободраные свиные туши, они подъезжают на железных платформах к колодцам блюминга. Потоки металла непрерывно льются в страну. Рабочих на заводе не видно. Слабые человеческие руки — будь их тысячи и десятки тысяч — не справляются с движением огромных масс металла и плавильных материалов. На заводе Герри люди нажимают рычаги и кнопки. Такой завод жил в голове у Курако. Такой завод лежал в альбоме чертежей. Такой завод во всех подробностях, в звуках и красках вставал в рассказах Бардина.

В дирекцию Новороссийского акционерного общества — ему принадлежал Юзовский завод — Курако вошел с предложением выстроить такой завод на юге.

Максименко и Бардин ждут прихода Курако. Что-то скажет ему Свицын, какой ответ получен из правления?

3

Они сидят у стола друг против друга — директор завода и начальник цеха, Свицын и Курако, самые прославленные имена металлургического юга.

Свицын — первый после Курако — самостоятельно повел доменную печь на юге. В списке директорского выпуска фамилия Свицына стояла первой. Вторым шел Скочинский. Их знания не различались ни в чем, и на мраморную доску золотыми буквами были записаны оба — единственный случай в истории Горного института.

В 1903 году царское правительство решило провести керо-

сино-провод Закавказской железной дороги. Шла жесточайшая борьба за колоссальный казенный заказ на трубы. Победы добиваются Губонин и Голубев — владельцы Брянского завода в Екатеринославе. Договор готов к подписанию и в Петербург приезжает директор завода Пьерон. Он заявляет, что брянские домны никогда не плавили литейный чугун и не годны для этого — они могут давать лишь передельный, идущий в мартен для передела в сталь. Сделка рушится. Удача ускользает. К владельцам завода является Свицын. Он два года был в Екатеринославе на практике. Он берется дать первоклассный литейный чугун из екатеринославских печей.

С доверенностью правления Свицын едет в Екатеринослав. В его полное распоряжение предоставляется одна, только что выстроенная печь.

Домну подготовляли к задувке. В те времена перед задувкой печь набивали сухими березовыми вениками, стружками, дровами. В фурменное отверстие просовывали раскаленный на конце лом — веники воспламенялись и семь суток в печи горели дрова. Лишь после этого загружали шихту. Свицын смотрит, как подвозят к печи дрова и ютчайное решение зреет в нем. Он уходит и бродит по городу, не замечая улиц. Теоретический расчет говорит, что печь можно сразу загружать коксом, он должен вспыхнуть моментально при соприкосновении с горячим дутьем — с раскаленным воздухом температурой 800 градусов. Свицын знает из иностранных журналов, что этот способ успешно испытан за границей. Опыт воспламенения кокса раскаленным воздухом демонстрировался в лаборатории института. В России никто не решался применить новую задувку домны — при неудаче можно погубить печь.

Свицын возвращается и приказывает отбросить от домны веники, стружки и дрова. Никто не понимает, чего он хочет. Свицыну изменяет выдержка и он кричит:

— Очистить площадку печи! Все вон! Все к черту!

Свицын приказывает сразу загружать домну коксом, потом тяжелой шихтой по рецепту литейных чугунов.

Французы со всех цехов собираются к печи. Они стоят поодаль и никто не подходит к Свицыну. Он сам поднимает клапан горячего дутья. Французы бросаются к формам и без синих стекол призывают к глазкам. В ту же секунду Свицын видит — Пьерон отпрянул от глазка, как обоженный, повернулся и, не сказав ни слова, медленно пошел прочь. Свицын не может справиться с собой, у него дрожат от радости руки — он понимает, что кокс загорелся мгновенно. Через двадцать

цать четыре часа печь выдала первую плавку — великолепный литейный чугун, марка ноль-ноль. В двадцать четыре часа Свицын стал знаменитостью. Он шел первым в списке директорского выпуска и первым сделал карьеру. Через три года после окончания института он получает две тысячи в месяц.

В пятом году на Брянском заводе директоров стреляли, как зайцев. Пьерон удрал. Нового директора убили. Третий убежал от пули и белый, как мел, вскочил на ходу в отходящий поезд.

Никто не соглашался занять пост директора Брянского завода.

Свицын не боялся пуль. Он передавал ежемесячно сто рублей в распоряжение революционных организаций. Оппозиционная интеллекция собиралась в его квартире, как в салоне. Приставу он не подавал руки. Свицын дает понять правлению, что не откажется занять директорский пост. Он получает предложение и становится самым молодым директором юга.

Они сидят у стола друг против друга, Курако и Свицын, самые прославленные имена металлургического юга. Пятый год сделал одного директором, другого ссыльным.

Свицын говорит:

— Вышло так, как я предсказывал. Правление отклонило ваш проект, как безудержную фантазию.

— Почему? — спрашивает Курако тихо.

Свицын видит, что Курако больно. Ему хочется что-то сказать в утешение.

— Михаил Константиныч! Вы превосходный начальник доменного цеха. К чему портить себе жизнь? Россия сильна мужиком. У нас сколько угодно самых дешевых в мире рабочих рук и нет оснований вкладывать капитал в дорогие механизмы. Вам сорок лет. Зачем вы мучаете себя пустяками?

— А когда руки не захотят задешево работать?

— Вы витаете в облаках, Михаил Константинович, я стою на земле. Мы не поймем друг друга.

— Я не останусь на заводе, — тихо говорит Курако.

Он встает и выходит из директорского кабинета.

Дома ждут его Максименко и Бардин.

— Я фантазер и дурак — говорит Курако Бардину. — Ничего не вышло. Уйду к бельгийцам в Енакиево.

— Возьмите меня с собой, Михаил Константинович, — просит Бардин.

Он знает — если Курако велит, придется осться в Юзовке вести перестроенные печи.

— И я с вами! Плюнь на все, Константиныч!

Курако невесело открывает крышку альбома.

4

На Енакиевском заводе Русско-Бельгийского общества Курако пробыл два года. Там шесть печей, и в договоре была обусловлена переделка всех шести. Он получал 24 тысячи в год и никогда не имел денег. Никогда не отказывал подполью и давал всем, кто попросит. Он содержал за свой счет в Петербургском политехническом институте двух студентов — сыновей ослепшего юзовского шлаковщика.

Попрежнему днем и вечером Курако ходил в синей рабочей спецовке. Он часто и много пил. Четверть водки ему выпить легче, чем четверть молока.

Вяло и неохотно перестраивал Курако енакиевские печи. Исчезла прелесть новизны. Он повторял пройденное — наклонные мосты, фурменные рукава Кеннеди, глубокий горько-герметическая броня.

Выплавка металла снизилась в годы войны. Транспортные артерии страны переместились и железные дороги юга пришли в расстройство. Станы не были подготовлены к прокатке нового сортамента металла, нужного войне.

Курако высчитал, что сражении на Марне из французских и немецких пушек вылетело за три дня миллион двести тысяч тонн металла — за три дня треть годовой продукции всей России.

— Нечего спорить, кто победит, — говорил Курако. Воюют металлом. У кого больше металла, тот победит.

Война давала колоссальные прибыли заводам. Можно было работать прескверно и загребать миллионы. В 1915 году Енакиевский завод получил 15 миллионов прибыли. Юзовка — столько же. Курако злился и не сомневался, что Россию раскрошат вдребезги.

В начале 1916 года Енакиевский завод объявляет забастовку. Прорывается скопившееся недовольство. Рабочие требуют бесплатных квартир, доставки воды на квартиры и бесплатного угля. На митингах кричат: «Долой войну, долой самодержавье».

В печах поднимаются уровень жидкого чугуна. Он стекает через отверстия фурм.

— Спустить чугун? — спрашивает Максименко.

— Ну его к чорту,— отвечает Курако.— Остановливай на ходу. После расплавим козлы.

Забастовка кончается победой.

В 20 дней Курако расплавил шесть козлов. Это был новый рекорд, но Курако не радовался ему.

В конце 1916 года он закончил переделку печей. Ему нечего больше делать в Енакиево. Его наперебой зовут южные заводы. Он уезжает, оставляя Бардина начальником цеха.

Из вагона он смотрит на переделанные печи. К наклонным мостам катали подвозят свои тачки. Чугунщики клещами волокут сизые чушки. Нет бункеров, ни разливочных машин.

— Американцы, говорит Курако презрительно глядя на перестроенные домны. — Во фраках без штанов.

Курако кружит по югу, смотрит заводы, где был мальчиком, каталем, тигром, где расплавлял козлы и перестраивал печи. Он чувствует себя усталым. Ему кажется, что ни один завод нельзя переделать. Надо срыть старье до основания и на ровном месте строить новые заводы. В Мариуполе Курако долго смотрит на море и вспоминает Джулиана Кеннеди. Курако перевалило за сорок. Что осталось ему в жизни? Ничто не влекло его.

В декабре 1916 года Курако приезжает в Юзовку. Он сидит одинокий в номере гостиницы и вспоминает слова Свицкого: «Зачем вы мучаете себя пустяками?» В самом деле, зачем? Не проще ли кончить все сразу?

В номер приносят телеграмму.

Юзовка. Гостинница Великобритания. Курако. Акционерное общество Копикуз просит немедленно прибыть Петроград переговоров строительства металлургического завода гиганта Кузнецком бассейне Сибирь тчк Директор распорядитель Федорович.

Глава четвертая

„С ЮГОМ КОНЧЕНО, БОРБОСЫ!“

1

В министерской ложе сидят трое — Владимир Федорович Трепов, Федорович и Шайкевич, член правления Копикуза, брат директора Петербургского международного банка.

Дума взволнована вчерашним известием об убийстве Распутина.

В правительственный ложе нет ни одного министра. Слова

Милюкова «глупость или измена?», брошенные на днях в лицо премьеру, кажется еще реют над огромным залом.

Заседание близится к концу, идет вермишель — мелкие законопроекты.

Сонливый и толстый Родзянко объявляет:

— Переходим к законопроекту министерства путей сообщения о выдаче беспроцентной ссуды в 20 миллионов рублей акционерному обществу Кузнецких металлургических заводов.

Секретарь читает проект. Чиновник министерства путей сообщения, одергивая парадный вицмундир, подходит к трибуне, чтобы быть наготове для справок.

— В порядке записи слово предоставляется члену Государственной думы профессору Постникову, — цедит Родзянко.

Трепов вынимает золотой портсигар и вспоминает, что в зале заседаний курить воспрещено.

— Сейчас начнут трепать мою фамилию. Трепка Трепова, неуклюже каламбурил он. Осип Осипыч, пойдемте походим.

Трепов и Федорович выходят в корridor. Шайкевич пожимает плечами — слабость нервов высокопоставленного дельца вызывает в нем легкое презрение.

Волнение Трепова передается Федоровичу. Он вновь оценивает план Шайкевича и сомнения поднимаются в нем.

Федорович не верит банкам. У Петербургского международного особенно плохая репутация. Федорович знает несколько дел, раздутых банком и брошенных, как ненужная ветошь, после удачной игры на повышение акций.

Шайкевич — большой Шайкевич, директор банка, предложил создать наряду с Копикузом новое акционерное общество для постройки завода. Правление Копикуза стало одновременно правлением Акционерного общества Кузнецких Металлургических заводов, председатель — Трепов, член — Шайкевич-младший. Брат большого Шайкевича был членом правлений едва ли не всех акционерных обществ, которые финансировал банк — общества Бахмутской соли, Горско-Ивановского каменноугольного, Жилинского брикетного, Николаевского судостроительного и других.

— Зачем два общества в одном деле? — спросил Федорович.

Шайкевич ответил:

— Копикуз укрепился, нельзя его ставить под удар. Если дело с заводом сорвется, это не отразится на акциях Копикуза..

«Копикуз укрепился», повторяет про себя Федорович, прохаживаясь с Треповым по коридору Думы. Это сделал он, Федорович. Из шести миллионов рублей он получил четыре с половиной. Остальные растворились в банке. Федорович представил смету на закладку двух шахт в Кольчугино и в Кемерово, каждая на 20 миллионов пудов в год. Бардак настаивал на уменьшении вдвое масштаба работ, ссылаясь на стесненность рынка. Федорович наотрез отказался возиться с мелкими шахтенками — он хотел строить европейски оборудованные шахты.

— Кокс на Урал! Вот наш рынок! твердил Федорович.

Он поехал к Цейдлеру директору Надеждинска. От имени правления Копикуза Федорович просил Цейдлера принять заказ на рельсы. Цейдлер рассмеялся. Заказы распределены вперед на три года. Федорович предложил Цейдлеру повышенную цену на рельсы.

— Сочувствую, но помочь не могу,— ответил Цейдлер.

Тогда Федорович, делая вид, что идет на крайнюю уступку, предложил Цейдлеру поставку кокса в обмен на рельсы. Цейдлер поднял брови — с выжигом кокса у него все еще не ладилось,— и заключил сделку. Федорович получил рельсов на два миллиона рублей, не тронув капитала, и рынок для кокса.

Бардак снял возражения.

Федорович выехал на юг в представительства французских и бельгийских коксовых фирм. Все коксовые печи России построены иностранными компаниями — Копперс, Эванс Коппе, Оливье Пьетт, Семет Сольве, Бремер и другие. Обратившись к любой из фирм, владелец коксующихся углей мог получить кокс без затраты капитала. Фирма строила коксовые печи за свой счет. Шахтовладелец доставлял уголь к коксовым печам и получал кокс. За выжиг кокса фирма опять-таки не брала ни копейки. Вознаграждением для нее был дым — побочные продукты коксования. Триста различных компонентов можно получить из каменноугольного газа — сернокислый аммоний для удобрений и взрывчатых веществ, анилин для красочной промышленности, духи, вазелин, аспирин и нафталин. В школах рисуют генеологическое дерево — внизу кусок угля, из него поднимается ствол, расходящийся на триста веток.

Коксовые фирмы имели миллионные прибыли. Высокие стены ограждали коксовые заводы в Донбассе. Туда не пускали русских инженеров. Фирмы охраняли секреты коксовых печей.

Федорович предполагал заключить договор на обычных началах — получить печи без затраты капитала. Ни одна фирма не согласилась рисковать капиталом в диком месте, в Кузбассе.

Федорович вспомнил поговорку французов о трудных положениях, которые создаются для того, чтобы выходить из них с выгодой. Он обратился непосредственно к французскому инженеру Пиррону, работавшему у фирмы Оливье Пьетт. Федорович стороной узнал, что фирма держала Пиррона в черном теле, мало платила ему, хотя только на нем и держалась. Сделка с Пирроном стоила Копикузу дорого и состоялась быстро. С полным комплектом чертежей Пиррон сел с Федоровичем в вагон петербургского экспресса.

В Петербурге Трепов, используя старые военные знакомства, получил от Главного артиллерийского управления заказ на поставку бензола и толуола — побочных продуктов коксования. Из них делают взрывчатые вещества для снарядов. Копикуз обязался выстроить коксо-химический завод в 18 месяцев — неслыханный в России срок — и получил под заказ ссуду в 2 миллиона рублей.

В Петербурге Федоровича розыскал мосье Оливье Пьетт. Он просил отказаться от договора с Пирроном.

— Вы зарезали фирму, — говорил мосье Пьетт.

Федорович неумолим. Высокий, черноволосый красавец француз плачет. Он соглашается выстроить коксовый завод Копикуза, лишь бы Пиррон остался у фирмы.

Строительство начинается осенью 1915 года. Строитель кемеровского рудника говорит, что в 18 месяцев постройку закончить невозможно.

— Нам придется расстаться, — отвечает Федорович. — Мы найдем людей, которые сделают это.

Федорович назначает строителем рудника и коксо-химического завода техника Садова, с которым работал в Донбассе. Сумрачный и нелюдимый, почти без растительности, с белесыми бровями, Садов прошел тяжелый жизненный путь. Он сибиряк, уроженец Омска, не получивший ни высшего, ни среднего образования. Он не курил и не пил, выбился в люди из монтеров, любил Сибирь, был предан Федоровичу, как пес, и верил, что Копикуз обновит его родину. Рабочие боялись его — он суров и груб, может ударить под горячую руку.

В четырнадцатом и пятнадцатом Садов вел строительство Кольчугинского рудника. Он закончил там проходку шахты, выстроил рабочие казармы, колонию служащих и директор-

ский дом. Дом директора-распорядителя Садов спроектировал сам — там было два этажа, двадцать комнат, биллиардная и зимний сад, столовая на сто человек, комнаты для приезжающих, каждая с отдельной ванной и уборной.

Зимой 1915 года в Кемерово работы велись в тепляках — огромные тесовые коробки покрывали площадь стройки. К весне 1916 года на левом берегу Томи стоял готовый железобетонный каркас завода. Федорович носился по южным заводам, вырывая металл и огнеупор. Оборудование ждали из Англии.

С каждым месяцем внимание Федоровича все больше привлекала южная часть бассейна, смыкающаяся с рудами Тельбесса. Становилось очевидно, что лучшие богатства бассейна сосредоточены там. Заведующим южной группой Федорович назначил Перлова — инженера с двумя значками, кончившего Горный институт и математический факультет Петербургского университета.

Перлов восторгался углями Прокопьевска.

— Как могла природа создать такое чудо? Пласт 17 метров и ни одного прослойка породы. Это чистый углерод. Природа герметически прикрыла его и хранила тысячелетья.

— Она хранила его для нас, Алексей Александрович, — отвечал Федорович. — Она ожидала, пока мы родимся.

Однажды Федорович рассматривал географическую карту России. Под рукой лежала готовальня. Он взял циркуль и воткнул острие в центр Кузнецкого бассейна. Другую ножку он оттянул до Минска и одним движением очертил полный круг — линия проходила через Батум, Одессу, Ригу, через пограничные пункты западного рубежа, пересекала Северный Ледовитый океан, шла сквозь Камчатку, резала пополам Сахалин и касалась Владивостока. Радиус круга был три с половиной тысячи километров. В центре находилась точка, вокруг которой сосредоточивалось три четверти угольных запасов страны. Он, Федорович, маленький, как Наполеон, стоял в этой точке затаив дыхание, с циркулем в руках. Неясные мечты проносились перед ним. Он тяжело дышал. Об этой минуте он не рассказал никому.

Копикуз укрепился, но с металлургическим заводом все оставалось неясно. Французы опасались вкладывать капиталы во время войны. Летом 1915 года Трепов повез на Тельбесс представителя английской металлургической и пушечной фирмы Виккерс. Англичанам не понравился Тельбесс. К финансовой связи переговоры не привели.

Дальнейшее расширение рынка кузнецкого угля упира-

лось в необходимость иметь металлургический завод и Владимир Федорович Трепов сделал попытку достать деньги у правительства. Через брата — министра путей сообщения — он получил казенный заказ на 87 миллионов пудов рельсов и скреплений. Банк создал новое акционерное общество. Федорович представил расчет мощности завода. Он настаивал на крупном масштабе — иначе не оправдывались капитальные затраты на сооружение железной дороги и освоение района. Трепов уговорил брата сделать следующий шаг — испросить у думы двадцатимиллионную беспроцентную ссуду.

Трепов подходит к министерской ложе, приоткрывает дверь и слышит голос кадета Постникова.

— Придворная камарилья, бездарная в священном деле обороны, делит казенный пирог.

Родзянко тянется к колокольчику и нехотя звонит.

Трепов осторожно прикрывает дверь и говорит Федоровичу:

— Походим еще.

Через десять минут в коридор выходит Шайкевич.

— Провалили, — говорит он Трепову. — Поедем вправление. Я вызову брата по телефону.

Большой Шайкевич молча выслушал рассказ о заседании.

— Скандал! — сказал он. — Общество металлургических придется ликвидировать — с такой рекламой не покажешься на бирже. Строительство завода начнет Копикуз. У нас казенный заказ — это уже капитал.

Правление Копикуза испрашивает у министерства финансов разрешение на новый выпуск акций в 12 миллионов рублей.

Федорович телеграммой вызывает Курако.

2

В центре Юзовки два ресторана смотрят друг другу в окна — «Великобритания» и «Гранд Отель».

16 января 1917 года в «Гранд Отель» непускают завсегда-таев. У дверей стоит розовый и пухлый человек.

— Ресторан закрыт, — говорит он, таинственно понижая голос. Провожаем Михаила Константиновича.

Напротив, через улицу, старший официант «Великобритании» сообщает:

— Закрыто. Кутят доменщики. Провожаем Михаил Константиныча.

Даже старый грек Джап не пускает никого в свой подвалчик на пятой линии. Утром шлаковщик Нестор, удивительный безобразник и знаменитый пьяница, передал Джапу триста рублей от Бардина и забронировал, выражаясь современным языком, все наличие ликеров и шампанского.

Кутеж начался в «Великобритании». Когда стол залили вином и в грязных тарелках появились окурки, доменщики всем гуртом перешли на свежие скатерти «Гранд отеля». На рассвете пир угаснет у старого Джапа, где подается только черный кофе и шампанское. После кофе доменщики пойдут к печам.

Пятьдесят человек сидят за длинным, вытянутым в нитку, столом. В перемежку расселись начальники доменных цехов, старшие и сменные инженеры, горновые, механики и силовики. Из Мариуполя, Енакиева, Краматорки, Екатеринослава, Каменского съехалось куракинское братство — его ученики, птенцы его гнезда, русские американцы. Старший по чину здесь Гулыга — директор Тульского завода. Он единственный директор в этой компании инженерства и мастеровщины.

Курако сидит в голове стола, сбросив пиджак и оставшись в белой косоворотке, заправленной в брюки, и черной жилетке, застегнутой на пять пуговиц. По правую руку Курако — Максименко, слева — Бардин.

— С югом кончено, барбосы! — прокричал Курако.

Шум мгновенно стих. Все, кто сидел за столом, обожали своего Константина, и каждый чувствовал себя счастливым, когда Курако подходил к нему.

— С югом кончено — повторяет Курако.

Это нелепость, все пьяны и никто не спорит.

— Через год мы устроим пир в Сибири. Кто приедет ко мне?

Все закричали:

— Приедем, приедем...

Курако стал приглашать каждого в отдельности. Он знал геройские подвиги за каждым, вспоминал вслух, как лазали вместе в горящие дома, как спускали козлы и перестраивали печи. Каждого спрашивал Курако:

— Поедешь работать в Сибирь?

С ним выезжало завтра 10 человек. Остальных Курако звал к пуску. Никто не отказывался. В ответ кричали:

— Да здравствует Курако, отчаянный доменщик.

Это высшая похвала.

— Вот кто отчаянный доменщик, — сказал Курако, пока-

зывая на Бардина.— Иван Павлович, ты будешь начальником кузнецких печей. Согласен?

Бардин встал и взглянул на Курако влюбленно. Бардину не везло всю жизнь. Его отец был портным и фонарщиком в Саратове. Холера унесла у Бардина брата и двух сестер: В гимназию Бардина не приняли, он поступил в ремесленное. Маленький и слабый мальчик, он вставал на подставку, чтобы работать у тисок. По слесарным наукам он имел двойку. Его взяли из ремесленного и отдали в землемерное училище. Оттуда не принимали ни в горный, ни в политехнический институт. Кончив училище, Бардин поступил в Киевский сельскохозяйственный институт. Он выбрал химический факультет. В 1907 году при факультете открылось металлургическое отделение. Бардин пошел туда и окончил в 1909 году. Он рвался к домнам и не мог устроиться ни на одном из южных заводов. Русскому инженеру попасть туда было неимоверно трудно. Брали иностранцев или русских по протекции. Протекции Бардин не имел. Ему нечего было есть и он уехал в Америку. И там Бардину не удалось попасть к домнам. Его взяли на завод Герри таскать рельсы. На эту работу ставили русских и негров. Через два года он свалился на работе без чувств. Сердце пришло в негодность. Он вернулся в Россию и в 1912 году устроился в Юзовке переводчиком. Его американскую шляпу заметил Курако. Четыре года Бардин безуспешно пробивался к доменным печам и в один год стал лучшим учеником Курако.

Бардин встал, он сказал:

— С тобой хоть на край света, Константиныч.

3

Три месяца живет Курако в петроградской гостинице «Астория». Он томится бездействием. Южане, которых он взял с собой, ежедневно приходят и спрашивают:

— Когда же, наконец поедем?

Курако ничего им не может ответить...

Революцию он встретил вдали от родного юга. Там шли забастовки, все кипело на доменных заводах, а он сидел, ожидая, чем решится судьба Копикуза.

Владимир Федорович Трепов разгуливал по улицам с пышным бантом из красного шелка. Он первый поднял шляпу при встрече с Шайкевичем-большим. Директор международного банка не заметил поклона.

Трепов звонил Федоровичу.

— Осип Осипович! Приезжайте, расскажите о новостях.

— Приехать не могу, занят.

Трепов вздыхал и не сразу опускал трубку — он ждал, не пригласит ли его Федорович к себе. Трубка молчала.

Владимир Федорович надевал бант и шел к Аничкову дворцу. Канцелярию кабинета занял совет рабочих депутатов.

Революция обесценила связи Трепова и сделала Федоровича первым лицом в Копикузе. В новом министерстве торговли и промышленности Федорович чувствовал себя, как в инженерном клубе. Министерством управлял Степанов, горный инженер, приятель Федоровича по Донбассу. Директором горного департамента стал инженер Малявкин. С ним Федорович учился в Горном институте и работал на донецких углях.

Посещая министерство, Федорович обычно проходил прямо в огромный кабинет, который занимал Петр Акимович Пальчинский, его ближайший друг, душа директорского выпуска. Пальчинский считал себя анархистом государственником крапоткинского толка, в пятом году организовал Красноярскую республику, годы реакции провел за границей, стал обронцем со дня объявления войны и вернулся по амнистии в Россию. Февральская революция сделала Пальчинского товарищем министра торговли и промышленности и председателем комиссии по государственной обороне.

Федорович просил Пальчинского провести через временное правительство подтверждение договора с кабинетом и казенного заказа на рельсы.

Пальчинский сочувственно кивал. Огромный нос делал некрасивым его умное лицо.

— Проведем — успокаивал он. — Дело бесспорное. Я всегда советовал заняться Кузбассом. Минеральное топливо Уралу — это ведь моя идея.

Федорович знал привычку Пальчинского приписывать себе все крупные экономические планы. О чем бы ни заходил разговор, Пальчинский обязательно вставлял — я об этом говорил, я это советовал. Федорович обычно защищал своего друга, когда Пальчинского называли хвастуном и Хлестаковым. Федорович объяснял, что Пальчинский — всеобъемлющий энциклопедический ум, что он действительно размышлял и высказывался о великом множестве вопросов.

На этот раз Федорович сказал:

— Как же, как же... Ты Еве советовал соблазнить Адама. Все знают, что это твоя идея.

Решение вопроса задерживалось во временном правительстве. Углепромышленники требовали отмены копикузовской концессии и распространения на Кузнецкий бассейн права свободных заявок, как в Донецком бассейне, как во всех бассейнах мира.

Курако сидел без дела, впереди темнела неизвестность.

29 апреля утром его вызвал к телефону Федорович:

— Есть важные новости. Буду у вас через полтора часа.

Через час в дверь постучали.

— Входите, Осип Осипович, я жду вас.

В дверях не было Федоровича. В комнату вошли четыре доменщика с юга. Курако расцеловался с молочным братом. Максименко рассказал, что Курако избран членом Юзовского совета рабочих депутатов. Доменщики звали Курако на юг. На заводах юга явочным порядком вводится восьмичасовой рабочий день и рабочий контроль. Недалеко время, когда рабочие возьмут заводы в свои руки. Курако нужен южным рабочим.

— Нас послали за тобой, — сказал Максименко.

Курако задумался. Снова раздался стук в дверь.

Вошел Федорович и вопросительно оглядел незнакомых людей.

— Говорите, Осип Осипович, это мои друзья.

Федорович вынул из портфеля несколько хрустящих бумаг.

— Прочтите.

Курако развернул договор Копикуза с временным правительством. Оно подтверждало все права и привилегии Копикуза, предоставленные ему кабинетом и свергнутым правительством. Копикуз получал ряд добавочных льгот.

— Когда можете выехать в Сибирь, Михаил Константинович?

— Поедем с нами, Курако. Тебя ждут в совете рабочих депутатов. Ты нужен доменщикам юга.

Курако посмотрел на Максименко, потом на Федоровича. Он сказал:

— Нет, барбосы, с югом кончено! Завтра курьерским. Осип Осипович.

Глава пятая

ВАГОН №...

1

Из Петрограда до Москвы Гапеев ехал двое с половиной суток. Два матроса с маузерами пробили ему дорогу в вагон. Гинденбург стоял в 30 километрах от Питера. Город эвакуировался. На поезда нельзя было попасть.

В день приезда Гапеев прочел в «Правде» приказ Реввоенсовета: «Каждый чех, обнаруженный с оружием в руках на линии железной дороги, подлежит расстрелу на месте без суда и следствия».

Леонида Ивановича Лутугина уже не было в живых. Он умер в 1915 году в Кузбассе. После приступа астмы, после четырехдневной голодовки он выпил недоброкачественного молока и отравился. Федорович выслал из Томска лучших врачей. Они застали труп. Цинковый гроб Гапеев привез в Питер. За катафалком шло пятнадцать тысяч человек. Максим Горький вошел в комитет по увековечанию памяти Лутугина.

Лутугинская группа не распалась. Каждую весну лутугинцы уезжали в Кузбасс. Бассейн раскрывал им свои тайны. Цифра, названная Леонидом Ивановичем — 250 миллиардов тонн — была обоснована и подтверждена. Выпрыгивала новая — четыреста миллиардов.

Весной восемнадцатого года никто не послал лутугинцев в Сибирь. Трепова арестовали, посадили на баржу вместе с другими заложниками буржуазии и после убийства Володарского расстреляли на взморье против Кронштата. Копикуз, казалось, перестал существовать. Советские правительственные учреждения покидали Питер. Там нельзя было добиться толку.

Лутугинцы послали Гапеева в Москву. Они заканчивали составление геологической карты Кузнецкого бассейна, и бессмысленно было терять лето.

Десять дней Гапеев курсировал от Главугля к Горному совету ВСНХ и обратно. Ему говорили, что в Сибирь едут на крышах и на буферах, что лутугинцы доберутся в Кузбасс только к зиме, что по дороге их ужокают чехи.

Никто не давал средств на продолжение разведок. Будучи решительным по натуре человеком, Гапеев плонул и обра-

тился в Совнарком. В Кремле его принял управляющий делами Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевич.

— Напишите... Я доложу о вашей просьбе... Позвоните мне через неделю...

Гапеев едва не взревел от бешенства.

— Через неделю... Пропадают золотые дни...

— Вы думаете, у Совнаркома нет более важных дел?

Гапеев уходит злой. Хочется бросить все и пробираться обратно в Питер. Он ходит по Москве без дела, мрачный и недовольный.

Через два дня Гапеев застает у себя в номере гостиницы человека в кожаном костюме. Его руки маслянисты и черны. На правом боку висит браунинг.

— Вы товарищ Гапеев?

— Да...

— Я шофер Совнаркома. Мне приказано немедленно доставить вас в Кремль. Пойдемте в машину.

В Кремле Гапеева встречает Бонч-Бруевич. Он сообщает, что Совнарком предлагает лутугинской группе выезжать немедленно, по возможности без задержек. Ленин распорядился предоставить лутугинской группе все нужное, не допуская малейшей волокиты.

— Владимир Ильич хотел бы, чтобы вы не думали о продовольствии, об одежде, а только о работе. Вам предоставляется отдельный вагон. Он будет продвигаться как военно-оперативный. Вот предписание комиссарам и начальникам станций. Желательно, чтобы вы были на месте через 8—10 дней. Сколько нужно денег?

Гапеев прикидывает на бумаге. Бонч округляет цифру и выписывает чек.

— Что нужно еще? Продовольствие... Одежда... Вот ордера... Нужны ли инструменты, приборы? Вот мандаты... Машина в вашем распоряжении до отъезда. Поезжайте на вокзал и переселяйтесь в вагон. Пусть его вымывают. Охрану потребуйте от комиссара узла. Сообщения из Кузбасса шлите прямо сюда — Кремль, Совнарком.

— А чехи? — спрашивает Гапеев.

— Чехи? Мы их раздавим в две недели... Ну, не задерживайтесь, не теряйте времени... Счастливого пути...

Бонч пожимает Гапееву руку и подталкивает его к двери. Гапеев выходит с мандатами, ордерами и чеком. Его ждет машина. Он садится, и не знает куда ехать. Прежде всего к себе — обдумать, опомниться. Машина взлетает вверх по Тверской.

На Страстной Гапеев вскочил и дернул шофера за плечо.

— Стой, товарищ.

Гапеев видит знакомую фигуру. Согнувшись, медленно шагает Федорович и тащит на плечах чемодан. Сзади красногвардеец с винтовкой.

— Конец Копикуза... — проносится в голове. Гапеев кричит:

— Осип Осипыч!

Федорович оглядывается на крик. Пот заливает глаза, он никого не видит. Присев на чемодан, он вытирает лысину, лоб и шею платком.

Гапеев соскачивает с подножки.

— Куда вас ведут, Осип Осипыч? А это что? Останки Копикуза?

— Поднимите-ка, батенька, — весело говорит Федорович.

Когда то Гапеев славился своей силой. Он берет ручку, отрывает чемодан от земли и бросает обратно: чемодан мягко шлепается об асфальт. В Кузбассе Гапеев нажил грыжу, а в чемодане явно больше двух пудов.

— Чем вы его набили? Образцы тельбесских руд, что ли?

— Здесь десять миллионов восемьсот семнадцать тысяч керенками. Ссуда Копикузу от Советского правительства...

— А разве он не национализирован?

— Пока живем и здравствуем.

Федорович рассказал, что коллегия ВСНХ решила повременить с национализацией Копикуза. Две недели провел он в Москве в непрестанных хождениях по главкам, убеждая, что национализация Копикуза в данный момент преждевременна и развалит дело. Он виделся несколько раз с Рыковым — председателем ВСНХ.

— И вот...

Федорович похлопал чемодан по вздувшемуся пузу.

Гапеев рассказывает о своих приключениях.

— Прекрасно... Еду с вами... Возьмете? — спрашивает Федорович.

— Пожалуйста... А почему вы пешком?

— Извозчика не найду... Дали охрану...

— Я вас подвезу... Садитесь...

Рука Федоровича тянется в карман. Он нащупывает бумажку, чтобы дать красногвардейцу на чай. Тот стоит усталый и мрачный, опершись на винтовку. Темное лицо, как истрескавшееся дерево, изрезано морщинами. На губах нет улыб-

ки. Федорович передумывает. Рука выскользывает из кармана, хватает ручку чемодана и тащит его через площадь.

3

В 1918 году Ленин много думал о Востоке. Немцы захватили Украину. Прусские остроконечные лакированные каски появились в Ростове-на-Дону. Советская Россия потеряла Донецкий бассейн и металлургические заводы юга. Страна потеряла 90% годовой добычи угля и 70% выплавки металла. Империалистическая Германия вгоняла советскую республику в дикость, в китайщину, в деревянный век. Ленин думал о Востоке. Он писал, что Страна советов, даже после отторждения Украины немцами может стать страной крупной индустрии, страной угля, железа, машин, электричества и химии, потому что пролетарская революция имеет в резерве гигантские запасы первоклассной руды на Урале и коксующегося угля в Западной Сибири.

Еще из Петербурга Ленин посыпает на Урал телеграмму с предложением разработать проект создания «единой хозяйственной организации, охватывающей область горно-металлургической промышленности Урала и Кузнецкого каменно-угольного бассейна».

Президиум ВСНХ объявляет конкурс на лучший проект создания комбината на основе естественных богатств Сибири и Урала. Срок конкурса — шестимесячный. Премия — десять тысяч.

Общество сибирских инженеров выскаживается против конкурса. Федорович, бессменный председатель общества, выдвигает иное предложение. От имени общества он входит в переговоры с ВСНХ, заявляя, что в шесть месяцев проект создать невозможно, что десять тысяч ничтожное вознаграждение. Общество предлагает выполнить работу в порядке договора и представляет смету. ВСНХ дает согласие. Федорович получает в Москве по смете деньги для общества на полугодие и везет их с собой вместе с десятимиллионной ссудой Копикузу.

Разработку Урало-Кузнецкого проекта Федорович мыслит как продолжение дела Копикуза.

Он всегда рассматривал Общество сибирских инженеров, как одну из подсобных организаций в системе Копикуза, одну из фигур его шахматной партии. Общество и раньше занималось проблемой сбыта огромных масс кузнецкого угля. Предложение ВСНХ подвернулось кстати. Федоровичу

хочется как можно скорее получить вычисления наизыгоднейших вариантов Урало-Кузнецкого проекта с точностью до одной сотой копейки. Близится время завоевания Урала эшелонами кузнецкого кокса. Федоровичу кажется, что в осуществлении этого — его миссия на земле.

4

В вагоне Федорович неразговорчив и замкнут. С ним в купэ поместился профессор Владимир Климентьевич Котульский — крупнейший специалист по рудным месторождениям, приятель Федоровича по Горному институту. Котульский не похож на обычный тип геолога. Полный, медливый с породистым барским лицом и холеными розовыми ногтями, он напоминал скорее оперного певца. Котульский и в самом деле обладал превосходным баритоном.

Человек двадцать геологов пристроились к вагону, предоставленному Совнаркомом лутугинской группе. Ехали все, кто оставил в Сибири незаконченную полевую работу.

По вечерам собирались группами, пели хором. Котульский солировал:

«Что день грядущий нам готовит?
Его мой взор напрасно ловит...»

Он ехал на разведки руды в Забайкалье и всю дорогу изводил Федоровича. Над Урало-Кузнецким проектом он издевался.

— Возить уголь за две с половиной тысячи верст... У тебя его раскрадут по дороге...

— В Кузбассе свой завод будет, — вяло отвечал Федорович.

Котульский таил давнюю обиду на Федоровича. Он был оскорблен, что Копикуз пригласил разведывать руду в Горной Шории не его, а какого-то Гудкова.

— Завод в Кузбассе? На тельбесской руде? — спросил Котульский и расхохотался. Федоровичу захотелось выйти из купэ — хотят Котульского действовал ему на нервы.

— О тельбесской руде поговори с Гудковым...

— Что такое твой Гудков? Разве есть в этой сибирской дыре хоть один настоящий ученый... Оскандалившись ты со своим Гудковым.

— Владимир, оставим этот разговор...

В Екатеринбург поезд прибыл на шесть сутки. Цвели липы. Белые пушинки садились на желтовато серый, низкий

как черепаха, бронепоезд. На путях люди с винтовками. Пулеметные ленты крест-на-крест опоясывали грудь. Геологам объявили, что на линии идут бои и дальше вагон не пойдет. Гапеев с мандатом Совнаркома бросается к командующему фронтом. Он уверяет, что геологи стоят вне политики, что чехи не тронут лугинцев и вагон проскочит в Кузбасс. Командующий рассматривает печать Совнаркома и обещает снестись по прямому проводу с Кремлем.

— Бонч-Бруевича вызовите... Бонч-Бруевича... — повторяется Гапеев.

Геологи разошлись по городу. К вечеру они возвращаются в вагон с покупками и новостями. У Котульского пластирем заклеен нос. В городе он заинтересовался домом купца Ипатьева. Ограда была обшита неструганным тесом, будто внутри шла стройка. Котульский заглянул в щельку и доска стукнула его по носу. Кто-то изнутри ударял прикладом и кричал:

— Проходи. Стрелять буду.

В доме Ипатьева сидел Николай Романов с семьей. Кремль не отвечал. Вагон стоял на вокзальных путях.

5

Федорович скучал в вагоне.

Достав циркуль он вырисовывал диаграмму добычи угля рудниками Копикуза. Кружочки становились крупнее с каждым годом.

Семнадцатый год — год потрясения и развала — попрежнему давал повышение, добыча возросла на 46 процентов. Федорович не допустил забастовок — не дожидалась требований, он сам повысил ставки и сократил рабочий день.

Вся промышленность переживала депрессию, крупнейшие общества замирали, много предприятий национализировано, а Копикуз дышал легко и свободно в его, Федоровича, руках:

Федорович тихонько напевает по-французски:

— Труд-ные положе-ни-я соз-даются для того...

В купе входит Котульский со свежей газетой. Агитпункт вокзала ежедневно выдает для геологов по одному экземпляру «Правды».

— Поздравляю — говорит Котульский. Распрощайся с Копикузом. Сегодня декрет о всеобщей национализации.

Федорович кладет циркуль. Вспоминается карта, взмах руки, окружность от Батума до Владивостока.

Он говорит спокойно.

— Покажи.

Федорович читает:

«В целях упрочения диктатуры рабочего класса и деревенской бедноты, объявить собственностью Российской Социалистической Федеративной Советской Республики все принадлежащие акционерным обществам предприятия...»

Подпись: Ульянов (Ленин).

Федорович читает:

От народного комиссариата финансов

Все акции и облигации объявляются аннулированными и не подлежат приему ни в государственных учреждениях, ни в частном обращении, как не имеющие никакой цены.

Федорович переворачивает лист. Он проглядывает подвал — «Пророческие слова», статья Ленина.

«Рождение человека превращает женщину в измученный истерзанный кусок, обезумевший от боли, полумертвый окровавленный кусок мяса. Революция есть особенно тяжелый случай родов».

Федорович говорит спокойно:

— Они не рожают.

Вагон стоит на вокзальных путях. Кремль не отвечает. Каждый день геологи читают «Правду».

«Правда» 4 июля.

Открытие пятого всероссийского съезда советов состоится сегодня 4-го июля в 2 ч. дня в большом Государственном театре.

На съезд советов прибыло около 1.000 делегатов, большевиков — 617, других партий — 340.

Передовая — Пятый съезд.

Печать буржуазии усердно подсчитывает мандаты левых эсеров, прибавляют к ним максималистов, анархистов, новожизненцев. Некоторые прибавляют еще не менее 50 левых коммунистов и обнаруживают таким образом большинство против Совета Народных Комиссаров.

ОПЕРАТИВНАЯ СВОДКА

Чехословацкий восточный фронт
Златоуст занят противником.

«Правда» 5 июля.

Пятый всероссийский съезд советов

Свердлов. Итак фракция левых эсеров покинула зал заседания. Заседание Всероссийского съезда продолжается (Аплодисменты).

ОПЕРАТИВНАЯ СВОДКА

Чехословацкий восточный фронт
Шадринск занят противником.

«Правда» 7 июля.

Во все районные комитеты РКП, во все районные совдепы, всем штабам Красной Армии.

ОКОЛО 3 ЧАСОВ ДНЯ БРОШЕНЫ ДВЕ БОМБЫ В НЕМЕЦКОМ ПОСОЛЬСТВЕ ТЯЖЕЛО РАННИЕ ГРАФА МИРБАХА. МОБИЛИЗОВАТЬ ВСЕ СИЛЫ, НЕМЕДЛЕННО ПОДНЯТЬ НА НОГИ ВСЕ ДЛЯ ПОИМКИ ПРЕСТУПНИКОВ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ В. УЛЬЯНОВ (ЛЕНИН).

Правительственное сообщение

СЕГОДНЯ 6 ИЮЛЯ ОКОЛО 3 ЧАСОВ ДНЯ УБИТ БОМБОЙ ГЕРМАНСКИЙ ПОСЛАННИК ГРАФ МИРБАХ.

РОССИЯ ТЕПЕРЬ ПО ВИНЕ НЕГОДЯЕВ ЛЕВОГО ЭСЕРСТВА

НА ВОЛОСОК ОТ ВОЙНЫ

НА ПЕРВЫЕ ЖЕ ШАГИ ПРЕДПРИНЯТЫЕ ДЛЯ ЗАХВАТА УБИЙЦЫ ЛЕВЫЕ ЭСЕРЫ ОТВЕТИЛИ ВОССТАНИЕМ ПРОТИВ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ.
ВСЕ НА СВОИ ПОСТЫ! ВСЕ ПОД ОРУЖИЕ!

«Правда» 8 июля.

Телеграмма

Задерживать все автомобили. Везде опустить шлагбаумы на шоссе. Арестованных не выпускать

без тройной проверки и полного удостоверения в непричастности к мятежу.

Ленин.

Подробности лево-эсеровской авантюры

Захватив центральный телеграф, левые эсеры разослали телеграмму по всем линиям:

«Всякие депеши за подпись Ленина, а равно депеши, направленные контрреволюционными партиями правых эсеров, меньшевиков, кадетов и монархистов задерживать признавая их вредными для советской власти вообще и правящей в настоящее время партии левых эсеров в частности».

Правительственное сообщение

ОТДАНО РАСПОРЯЖЕНИЕ ОБ АРЕСТЕ ВСЕХ ЛЕВЫХ ЭСЕРОВ И ПРЕЖДЕ ВСЕГО ОБ АРЕСТЕ ВСЕХ ЧЛЕНОВ ЦК ПАРТИИ ЛЕВЫХ ЭСЕРОВ. ОКАЗЫВАЮЩИХ СОПРОТИВЛЕНИЕ ПРИ АРЕСТЕ — РАССТРЕЛИВАТЬ.

ОПЕРАТИВНАЯ СВОДКА

Восточный чехословацкий фронт

Вследствии прорыва Волго-Бугульминской жел. дороги и недостатка сил, советской власти пришлось оставить Уфу.

«Правда» 11 июля.

Ярославль в руках белогвардейцев

Белые выступили в ночь 6-е июля в 2 часа. Председатель совета тов. Закгеим заколот штыками. Военный комиссар тов. Нахимсон захвачен в номере гостиницы «Бристоль». Он расстрелян во дворе офицерским отрядом... Населению сообщено, что советская власть в Москве свергнута.

На Мурманской железной дороге

Англо-французско-сербскими войсками занята вся железнодорожная линия от Мурманска до Сорок. За вчерашний день неприятель продвинулся на 11 верст к югу от Сорок. Расстреляны члены Совдепа — Мальцев, Каменев, Вицук.

«Правда» 12 июля

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ.

МУРАВЬЕВ, БЫВШИЙ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ ВОЙСК ВНУТРЕННЕГО ФРОНТА (ЛЕВЫЙ ЭСЕР) ПЫТАЛСЯ ДВИНУТЬ ВОЙСКА НА МОСКВУ. ПОЛУЧИВ ОТПОР ОН ПОКОНЧИЛ САМОУБИЙСТВОМ.

ОПЕРАТИВНАЯ СВОДКА

Чехословацкий восточный фронт
Ялуторовск занят чехо-словаками. В районе Екатеринбурга восстания против советов подавлены.

«Правда» 16 июля

Сегодня в номере:

ГЕРМАНСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО ПОТРЕБОВАЛО ОТ СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ДОПУЩЕНИЯ БАТАЛЬОНА ГЕРМАНСКИХ СОЛДАТ В МОСКВУ ДЛЯ ОХРАНЫ ГЕРМАНСКОГО ПОСОЛЬСТВА. СОВЕТ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ В ЭТОМ ОТКАЗАЛ.

Коммунист!

Умеешь ли ты обращаться с оружием?
Справишься ли с пулеметом, с ручной бомбой, с минометом?

Если нет, немедля приди в свой район и запишись на обучение.

Будь готов защищать социализм!

ОПЕРАТИВНАЯ СВОДКА

Восточный чехословацкий фронт.
Дирск занят противником. Наши силы отходят.

«Правда» 17 июля

Приказ по армии и флоту

Среди военных специалистов было за последние недели несколько случаев измены. Мохин, Муравьев

ев, Звягинцев, Веселаго и некоторые другие перебежали к иностранным насильникам из захватчикам.
Никакой пощады предателям!

«Правда» 19 июля

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ.

НИКОЛАЙ РОМАНОВ РАССТРЕЛЯН.

ОПЕРАТИВНАЯ СВОДКА

Восточный чехословацкий фронт. Противник ведет наступление по двум железнодорожным линиям Екатеринбург — Челябинск и по Западно-Уральской. На первой из указанных линий наши войска отошли в районе станции Мраморской.

«Правда» 24 июля

Передовая — Угроза растет

Чехо-словаки взяли Симбирск. Волга перерезана еще в одном месте. Самая крупная артерия перехвачена тугой веревкой. Мятеж расползается, как жирное пятно на бумаге. Да здравствует натиск на врага!

Коммунист!

Умеешь ли ты обращаться с оружием?
Справишься ли с пулеметом, ручной бомбой, минометом?

Губернская конференция заводских комитетов

...Слово о текущем моменте предоставляется тов. Ленину.

Последние дни, начинает оратор, ознаменовались крайним обострением дел для Советской республики. Голод самый отчаянный враг пролетариата и советской России.

Товарищи!

Ввиду появления холеры в Москве прививайтесь себе противохолерную вакцину и убеждайте делать это.

Прививки производятся бесплатно.

ПЕТРОГРАД

Рытье могил буржуазией

Введенная среди буржуазии повинность по рытью могил для холерных проводится энергично. Ежедневно обеспеченное население отправляется на рытье могил.

«Правда» 25 июля

ТОВАРИЩИ И ГРАЖДАНЕ!

ЧЕХО-СЛОВАЦКИЕ БАНДЫ ВРЕМЕННО ЛИШИЛИ НАС ВОЗМОЖНОСТИ ПОЛУЧАТЬ И ТО СКУДНОЕ КОЛИЧЕСТВО ПИТАНИЯ, КОТОРОЕ МЫ ПОЛУЧАЛИ ДО СИХ ПОР. ВЧЕРА И СЕГОДНЯ МЫ НЕ МОГЛИ СОВЕРШЕННО ВЫДАВАТЬ ХЛЕБ НАСЕЛЕНИЮ. ПРИНЯТЫ ЭКСТРЕМНЫЕ МЕРЫ, ЧТОБЫ ДОБЫТЬ МУКУ.

ТОВАРИЩИ РАБОЧИЕ!

В ФИНЛЯНДИИ И НА УКРАИНЕ, ГДЕ ХОЗЯЙНИЧАЮТ ВРАГИ НАРОДА НА ПОЧВЕ ИСТОЩЕНИЯ РАБОТАЕТ НОВАЯ БОЛЕЗЬ ПОД НАЗВАНИЕМ ИСПАНКА. ЧТО ЖЕ БУДЕТ ЗДЕСЬ, ГДЕ ХЛЕБА НЕТ, ЕСЛИ УДАСТСЯ ДЬЯВОЛЬСКИЙ ПЛАН ВЗЯТЬ РАБОЧИХ ИЗМОРОМ?

ТЕСНЕЕ РЕВОЛЮЦИОННЫЕ РЯДЫ!

ВСЕ НА СВОИХ МЕСТАХ, ВСЕ НА СТРАЖЕ В ЭТИ ТЯЖЕЛЫЕ ДНИ!

Ярославль наш!

Чрезвычайная комиссия выделила из общей массы арестованных 350 человек в большинстве бывших офицеров. По постановлению комиссии эти 350 человек расстреляны.

Восстание белогвардейцев в Вольске

Вооруженные банды захватили Вольск, распространившись и на уезд.

Кровавая расправа в Сызрани

Расстрелянные рабочие насчитываются сотнями, если не тысячами.

ОПЕРАТИВНАЯ СВОДКА

Восточный чехо- словацкий фронт.

Наши части с боем отходят в Екатеринбург.

Номер «Правды» от 25 июля был последним, который видели геологи. Страна, как женщина, истерзанная, обезумевшая от боли, превратившаяся в полумертвый, окровавленный кусок рожала новый строй.

Утром 29 июля геологи увидели чехов. Екатеринбург стал белым.

Гапеев растерялся. Что делать с мандатом Совнаркома?

Геологи сошлись в проходе и спорили, не зная что предпринять.

Из купе выходит Федорович. За ним парикмахер — Федорович никогда не посещает парикмахерских, вызывая мастеров к себе. Он выбрит, подстрижен и надушен. На нем новый костюм, вместо дорожной тужурки — позолоченные молоточки празднично сияют на солнце. В руках поблескивает портфель крокодильей кожи.

— Успокойтесь, господа. Прошу не выходить из вагона... Все дальнейшее я беру на себя...

Он вынимает из портфеля сложенный вчетверо лист плотной бумаги. Она голубая.

Это засвидетельствованная петербургским нотариусом полная доверенность Акционерного общества «Копикуз». Федоровичу передоверялись все права общества — он мог заключать договоры на неограниченные суммы, продавать имущество общества и приобретать для него, отвечать на иски и вчинять таковые, производить любые расходы по собственному усмотрению, выдавать векселя, обеспеченные всем активом общества. Через два часа Федорович возвращается из города. Вагон прицепляют к первому поезду, отправляющемуся на Восток.

Через двое суток геологи прибыли в Омск. Там заканчивалось формирование временного правительства.

В Омске стояли несколько дней. Федорович пропадал в городе. Он провел крупную деловую операцию, заключил договор с сибирским правительством на поставку угля и получил в качестве аванса полтора миллиона керенками — они ходили у всех властей.

К пузатому московскому чемодану, покоившемуся всю дорогу на верхней полке, Федорович привязывает ремнями тяжелый маленький баульчик.

Он раздает лутугинцам удостоверения от нового правительства с предписанием военным и гражданским властям оказывать всяческое содействие геолого-разведочной работе в Кузбассе.

С едва заметной усмешкой, потонувшей в усах, Федорович сообщает, что Павел Павлович Гудков получил портфель министра торговли и промышленности в новом кабинете.

Котульский прекратил остроты по адресу Гудкова. Вагон покатил дальше на восток. Его номер не сохранился для истории.

Глава шестая ТРЕВОЖНЫЕ ДНИ

11

Шампанское стынет в серебряных ведрах со льдом. Золотые листья погон мелькают среди черных фраков.

В зал входит Федорович.

Оркестр военнопленных мадьяр играет туш.

Федорович в дорожном костюме — сапоги на двойной подошве, инженерская куртка.

5 апреля 1919 года Федорович выехал из Томска в Кемерово. Там назначены испытания коксуемости осиновских углей.

Федорович предполагал, что результаты будут превосходны, но все же волновался. Пласти осиновского угольного месторождения выходили на реку Кондому, как раз против площадки будущего металлургического завода. Осиновка — ближайший пункт к Тельбессу. Федорович выехал, чтобы лично проследить от начала до конца за ходом испытаний. Кемеровский коксо-химический завод так и остался недостроенным. Испытания назначены в маленьких печах упрощенного типа.

По пути в Кемерово Федорович остановился ночевать в Кольчугино и попал на офицерский бал. Когда-то здесь стоял глухой березняк. Три года все трещало на этом месте — крестьяне возили и возили лес.

¹ Черновой набросок описания Кольчугинского восстания и его разгрома сделан З. А. Крянниковой — членом бригады писателей по истории Кузнецкстроя.

К началу девятнадцатого года в бараках кольчугинских колпей жило четыре тысячи человек. Копикуз выпустил собственные деньги — боны от рубля до ста. Они ходили по всему Кузбассу. Их называли копикузовки. Другими деньгами рабочим не платили. Гарнизоном в Кольчугине стоял колчаковский полк.

Бал продолжался. Сменяются мазурки и вальсы. Никто не замечает, что музыканты следят за стрелками на больших стенных часах и переглядываются.

Поручик Зеленков, начальник кольчугинского гарнизона лезет к Федоровичу целоваться. Трезвые глаза Федоровича презрительно щурятся. Он презирает военщина и хамство. Федорович чувствует себя усталым, после дороги у него насморк, и он исчезает с бала. В директорском доме Федорович ложится в постель и насыпает горчицы в носки. Горчичник у пяток на двадцать минут — лучшее средство от насморка.

Поселок угремо чернеет сплошным пятном без единого огонька. Взрывы оркестра прорываются сквозь двойные рамы. Часовой у казармы поглядывает на яркие окна, переступая с ноги на ногу. Из дверей пулеметной команды выставил рыльце «Максим» с заправленной лентой. Офицерские комнаты на втором этаже пусты — все на балу.

Штейгер Вагнер выпивает последнюю рюмку и смотрит на часы. Одна минута первого. Аккуратный немец идет за калошами. Он рано встает.

В передней его сбивает человек в белье — весь в крови. Он влетает в зал и дико кричит:

— Восстание... Восстание...

Офицеры разом трезвеют, хватаются за оружие и кидаются к дверям. Оркестр ударяет залпом из шести револьверов. Падают тела. Офицеры высекают из окон. Дамы в бальних туалетах бегут в темноту.

Завыл гудок протяжно и тревожно. Из шахтерских бараков выбегают люди.

Поручик Зеленков бросается к казарме. Часовой пропускает, не спрашивая пароля. Едва Зеленков переступает порог, часовой выстрелом в спину кончает с поручиком. Это кольчугинский подпольщик, снявший часового.

Офицеры, отстреливаясь, бегут к лесу. По ним трещит пулемет.

Федорович поднял надрывающий душу гудок. Он подошел к окну и пытался разглядеть зарево пожара. Сквозь двойные рамы он услышал выстрелы.

Федорович выбегает на улицу. У подъезда чернеет силует

оседланной лошади. У него колотится сердце, он вскакивает в седло и мчится. В ушах свист — так свистит ветер и пуля. За ночь Федорович проскакал до станции Юрга. Он пишет телеграмму в Томск и вдруг чувствует острую боль в ногах. Он снимает сапоги. К пяткам нельзя прикоснуться — с них сошла кожа. Второпях он забыл высыпать горчицу из носков. На коне он не почувствовал боли.

2

Через три дня Федорович как обычно сидел в своем кабинете в Томске. Он был одновременно директором распорядителем и председателем временного правления Копикуза. Все общества международного банка, имевшие дела в Сибири, создали временные правления и поддерживали друг друга. Федорович изворачивался, перехватывая ссуды, выпуская «копикузовки», распределяя за половину номинала новый выпуск акций среди сибирского купечества.

Собранные крохи Федорович бросал на заводскую площадку и на южную группу рудников. Проектное бюро металлургического завода было переведено ближе к площадке — в город Кузнецк. Туда выехал со своим штатом сумрачный и неутомимый Садов, назначенный главным строителем завода. Центральное правление Копикуза оставалось в Томске.

Рядом с кабинетом приемная. Там ковры и картины. На столах образцы тельбесских руд и кузнецких углей. Без доклада в кабинет неходят. Докладывает о посетителях швейцар Константин. Обычно он спрашивает: «Как прикажете доложить?», уходит, возвращается и сообщает: «Просили немного обождать».

Сегодня все проходят мимо Константина без доклада.

Входит человек в адмиральской форме. Это брат Федоровича — Михаил Иосифович, адмирал Черноморского флота, друг Колчака, ныне начальник Томского гарнизона и вооруженных сил Томской губернии.

Он здоровается с Константином за руку. В 1918 году при советской власти адмирал служил в Копикузе экспедитором — заклеивал пакеты, перевязывал бичевкой посылки и носил их на почту. С тех пор он сохранил дружеские отношения с низшими служащими Копикуза.

— Что слышно на фронте, Михаил Осипыч?

— Плоховато, Костя, отдали Уфу.

— Что ж так, Михаил Осипыч?

Адмирал повертел пальцами в воздухе. Он считает, что

Колчак много лучше понимает в морских делах, чем в сухопутных. Не отвечая, адмирал проходит в кабинет.

— Ну, как? — спрашивает Федорович брата. — Что слышно из Кемерово, с Гурьевска?..

— Кажется, спокойно... Карательную экспедицию отправляем в Кольчугино завтра.

Дверь распахивается. Вбегает Елена Евгеньевна — жена Федоровича. Она любит благотворительность и верховую езду.

— Иоська! Я открываю сбор. Ты должен подписаться первый.

— Какой? Куда?

— В Кольчугине перебывают рабочих. Надо помочь сиротам?

— Но ведь их еще не убили, Елена Евгеньевна, — говорит адмирал.

— Давай лист, Леля...

Федорович целует у жены руку и смотрит на нее влюбленными глазами.

Он пишет крупными буквами:

В пользу вдов и сирот рабочих Копикуза, погибших при подавлении Кольчугинского мятежа.

И. И. Федорович — 1.000 рублей.

— Теперь вы, Михаил Осипыч.

— Мне неудобно, душенька...

— Ну, как хотите... Потом вот что: Иоська! Я хочу сегодня на доклад Грум-Гржимайло. Возьмешь меня?..

— Тебе будет неинтересно...

— Нет, нет... Все офицеры собираются... Я обязательно поеду.

В кабинет входит Курако в азяме — светло-коричневом костюме из грубой верблюжьей шерсти. Он посещает Федоровича редко и всегда приходит запросто.

— Осип Осипыч! Я перебрасываю свой штат из Кузнецка на Гурьевский завод.

— Почему?

— На фронте отступление. Будут мобилизовывать всех, кто не на заводах...

— Пожалуй, вы правы.

— Я беру с собой всех, кроме Лизунова. С ним можете делать, что хотите.

— Почему?

— Из него не выйдет доменщика. Он слишком любит свою женку...

— Фу, какой вы... — говорит Елена Евгеньевна.

— У вас странные взгляды, Михаил Константинович, — поддерживает ее Федорович.

— Доменщик должен любить только одну женщину — домну.

Елена Евгеньевна подходит к Курако с подписным листом.

Он читает и кровь сбегает со щек. Он бросает лист на стол.

— У меня нет денег, пани, — произносит он. — Вы принимаете вещами?

— Пожалуйста!

Курако вынимает из кармана браунинг вороненой стали и кладет на белый лист.

— Передайте это от меня вдовам и сиротам. Если пани возьмется доставить, я вручу вам двадцать таких же.

— Однако, вы смельчак, — говорит адмирал.

— Какой есть, пане адмирал...

В кабинет входит Константин. Он наконец дождался посетителей, о которых следовало доложить...

— Приехали с кокосом из Кемерово.. Прикажете обождать?

— Давай их сюда сейчас же...

Кемеровцы привезли новости. В Кемерово не было никаких попыток к восстанию — испытание осиновских углей прошло спокойно в назначенный срок. Приезжие развернули упакованные в бумагу конусообразные серебристые куски. Кокс был превосходен. При ударе друг о друга куски издавали металлический звук.

— Прекрасно, — говорит Федорович, — Могу вас поздравить, Михаил Константинович. Вы будете иметь уголь для коксовых печей в трех километрах от завода.

— Разрешите, Осип Осипыч, взять один кусок...

— Пожалуйста. Вы будете на докладе Грума?

— Приду...

3

Актовый зал Томского университета переполнен. Сидят профессора, инженеры, студенты, дамы, много офицеров. В первом ряду Федорович. Рядом адмирал, геологи Гудков и Усов, профессор Гутовский и барон Фитинггоф.

Грум-Гржимайло выступает против Урало-Кузнецкого проекта. Он расколол надвое Томскую профессуру. Половина

отошла от Федоровича. Груму симпатизирует офицерство, его поддерживает Колчак. Грум — металлург войны, директор Златоустовского оружейного завода, мастер орудий смерти, центральная фигура горнозаводского Урала. При советской власти, на допросе в Чека он написал в анкете — монархист. Вместе с Златоустовским заводом он эвакуировался в глубь Сибири от наступающих красных.

Грум вышел на трибуну. Он огромного роста, с длинными зубами, с насупленными мохнатыми бровями, седая борода спускается до пояса — настоящий дед-черномор. Его встречают аплодисменты.

— Господа, — произносит Грум.

В зал врывается ветер.

Не закрывая за собой дверей, в зал входит Курако и одиннадцать куракинцев вслед за ним. Все одеты одинаково — в светло-коричневые куртки и штаны из грубой верблюжьей шерсти. Среди них инженеры, окончившие по два высших учебных заведения, но ни один не носит форменной фуражки. Курако ненавидел инженерскую форму. Он говорил:

— Не тот инженер, у кого два молоточка на лбу, а тот кто за рубль сделает то, что дурак за два.

В городе куракинцев звали орлиным гнездом. Томск прощал Курако чудачество и гордился пребыванием лучшего русского доменщика.

— Господа, — повторяет Грум. — На свете есть страна, работающая черный металл на древесном угле в маленьких заводах, очень напоминающая Урал. Однако, в противоположность Уралу, железная промышленность не влечит в ней жалкого существования. Напротив, она побеждает на мировом рынке колоссы Западной Европы и Америки, ввозя свои изделия в мировые центры промышленности и культуры. Эта страна — Швеция. Она поставляет сталь недосягаемого для Европы качества. Эта маленькая страна справедливо вызывает удивление металлургов всего мира.

Курако всю жизнь воевал с металлургами немецко-бельгийского типа. Он впервые видел перед собой нового противника — представителя шведского течения — и слушал его с интересом.

Грум перешел к личным воспоминаниям о Швеции. Он рассказал о маленьких чистеньких заводах, об огромных лесах, прорезанных паутиной железных дорог. Железные дороги Швеции приспособились к малой населенности и к малой провозоспособности. Большинство станций упрощенного типа. Это домики в два окна с верандой для пассажиров. К

проходу поезда начальник станции, он же стрелочник, телеграфист и сторож, отворяет станцию, пропускает поезд и возвращается к себе.

— В середине прошлого столетия, — продолжает Грум, — шведская железная промышленность находилась накануне краха. Рост коксовой металлургии и падение цен на железо на мировом рынке грозили совершенно погубить слабую металлургию Швеции, работавшую на древесном угле и потому поневоле дорого. Шведы нашли выход. Они открыли свою страну для иноземного дешевого грязного железа и объединились для борьбы с мировой конкуренцией в области высших сортов стали.

Грум подходит к критике Урало-Кузнецкого проекта. Год работали над ним инженеры, геологи и профессора Сибири. Кипы экономических записок, таблиц, чртежей могут заполнить небольшую комнату. Основа проекта проста и понятна ребенку. Строятся четыре — только четыре — завода. Один в Сибири на рудах Тельбеса, три на Урале — у горы Магнитной, у Бакала и у Алапаевска. Каждый завод американского типа, производительностью 800 тысяч тонн металла в год. Все четыре дадут мощность довоенной русской металлургии. Кузнецкий бассейн даст заводам кокс.

Грум говорит:

— Урал обладает самыми чистыми в мире бессернистыми рудами. Чистота руд столь драгоценное качество, что засорять их плавкой на коксе, всегда содержащем серу, государственное преступление.

Грум изложил свой проект, которому Курако не мог отказать в остроумии. Он предлагал провести круговую магистраль из Томска на Урал. Он называл ее Северной Сибирской магистралью. Свыше трех тысяч километров железной дороги просекут сплошной массив почти безлюдных лесов площадью больше Германии. Отсюда Урал получит практически неисчерпаемое количество древесного угля.

Грум перечислил изделия, требующие высококачественного древесно-угольного металла — цилиндры паровозов, поршневые пружины, изложницы, прокатные валы с закаленными поверхностями, детали автомобилей, инструментальная сталь.

— Кроме того...

Грум возвысил голос.

— Кроме того, уральские руды как бы специально созданы для предметов вооружения и обороны. На Урале мы возродим булат древних. История металлургии указывает, что

все изобретения в ее области делаются и применяются прежде всего в военном деле. Война это лаборатория мирной культуры. Человеческая культура проходит дорогую и суровую школу милитаризма и только путем этой школы познает возможности, вложенные в металл.

Офицеры неистово аплодировали.

Грум подводил итог. Страна настежь открывает ворота потокам грязного коксового железа из-за границы. Урал становится мировым центром древесно-угольного железа, непревзойденного по качеству. Россия выделяет лучшие в мире орудия войны. Этим она обеспечивает свою мощь в концерте великих держав. Миллионные капиталы, русские и иностранные, частные и государственные надо направить не в Кузнецкий бассейн и не в четыре сверхгиганта, а на сооружение Северной Сибирской магистрали и в уральскую древесно-угольную промышленность.

Федорович не пошевелился в течение всего доклада. Проект Грум-Гржимайло резал под корень дело, которому он отдавал жизнь.

Общество сибирских инженеров разрабатывало Урало-Кузнецкий проект по заданию Высшего Совета Народного Хозяйства на советские средства. Пока Гудков был министром, власти смотрели на это сквозь пальцы. Когда Колчак стал диктатором и создал новое правительство, Федоровича вызвал премьер Вологодский — раньше он был присяжным поверенным в городе Томске.

— Вы занимаетесь странными делами, Осип Осипыч, — сказал Вологодский. Знаете как называется то, что совершаете вы, работая для большевиков.

— Для большевиков? — переспросил Федорович. — Я никогда не работал и не буду работать для них. Ни для них, ни для кого другого. Вы знаете меня не первый день, Петр Васильевич. Дело — вот чему я служу. Я создаю проект, пригодный для любой общественной структуры и нужный всякой власти.

— Как хотите, Осип Осипыч! Я не делаю формального запрета, но предупреждаю. Это опасная дорожка. Советую оставить ее. Подождите до спокойных времен и придумывайте тогда, что угодно.

Разработка Урало-Кузнецкого проекта свернулась. Федорович дорабатывал его в своем домашнем кабинете с самыми близкими людьми. В основу расчетов Федорович клал принцип комерческой погоды. Смета полного осуществления урало-кузнецкого проекта составляла миллиард рублей

золотом. Вся южная промышленность — металлургические заводы, шахты Донбасса, рудники Криворожья — стоила 400 миллионов. Миллиард не пугал Федоровича, он заглядывал вперед на столетье и строил проект так, чтобы его можно было существовать по частям. Даже постройка каждого завода в отдельности мыслилась по принципу концентрических кругов — сначала две домны, четыре мартена и один прокатный стан, потом еще две домны, четыре мартена и стан, потом еще и еще.

Лишь одна проблема оставалась неразрешенной. Федорович ночами думал о ней и не мог ничего придумать. Уголь при перевозке в обычных условиях удваивается в стоимости через каждые 600 километров. Переброска огромных масс кузнецкого угля на Урал станет коммерчески-выгодной при условии сооружения сверхмагистрали — прямой, как натянутая нитка и абсолютно ровной без единого подъема и спуска. Треть миллиарда падало из сметы на сверхмагистраль. Ее нельзя вводить в действие по частям — тут требовалось 350 миллионов сразу.

Банки не подымут этой суммы. К большевикам Федорович не относился серьезно. Он считал их падение неизбежным. На правительство военной диктатуры Федорович не расчитывал; кумир военных — Грум, колчаковцы поддерживали его.

В одну из бессонных ночей Федорович впервые подумал об инженерном правительстве, вспомнил Пальчинского и улыбнулся. Инженеры всегда смеялись, когда Пальчинский, размахивая руками, фантазировал о государстве, которым правят инженеры. Федорович усмехался вместе со всеми, как практик и реалист.

Бессонной ночью, в тупике от бесплодных поисков реальной комбинации, Федорович взвесил идею Пальчинского. Она попрежнему казалась смешной.

Федорович сидел сутулый и скучный. Он плохо слушал Грума и думал о проблеме транспорта.

Грум проявлял в Сибири кипучую активность. В Томске в обществе сибирских инженеров уже действует урало-сибирская комиссия под руководством Грума, наподобие урало-кузнецкой.

Профессор Поварнин ведет опыты над улавливанием продуктов перегонки при производстве древесного угля. Правительство Колчака отпустило средства. Вычисляется себестоимость древесно-угольного металла, составляются сметы.

Грум заготовил эффектный конец речи.

— Любопытно, — сказал он, — что составляя сокращение,

как это теперь принято, для древесно-угольного железа, мы получим слово — друг. Древесный уголь действительно есть истинный друг русского народа.

Под шум оваций Грум сошел с трибуны. Офицеры хлопали стоя.

— Генеральский бред,— раздался выкрик из зала. Все обернулись, крикнул Курако.

— Вывести его,— закричал один из офицеров. На офицера зашикали. Странному украинцу, чья слава украшала город, позволялось многое, что не прощалось другим.

Курако попросил слово. Одиннадцать человек в верблюжьих куртках и в верблюжьих штанах захлопали ожесточенно и весело.

Курако говорил коротко и резко. Он сказал, что грязное железо — это рельсы, паровозы, машины, заводы. Стране серой и нищей нужны миллионы и миллионы тонн грязного металла. На пятьсот килограмм железа идет один килограмм качественной стали. Отказаться от выплавки грязного железа и вместо этого лить пушки из древесно-угольного металла — нелепость, плод разгоряченного генерального воображения.

В переднем ряду поднялся офицер и что-то прокричал. Курако остановился на полуслове. Он хотел сказать, что берется выплавить в новых американских печах металл, не уступающий качеством древесно-угольному, что изумительная чистота кузнецких углей позволяет добиться этого. Выкрик офицера отвлек его. Неясная и большая мысль шевельнулась в нем. Курако показалось, что не это и не здесь он должен говорить. Он посмотрел по рядам, увидел погоны, погоны, погоны и не захотел больше говорить.

Курако махнул рукой и сошел с трибуны, недовольный собой.

Елена Евгеньевна наклонилась к мужу.

— Мне нездоровится. Проводи меня домой.

Федорович не мог уйти и обратился к Гутовскому. Профессор с готовностью встал. В трудные времена он сохранил верность Копикузу. Он работал с Федоровичем с 1914 года, выбирал площадку для завода, поворачивал вместе с Гудковым общественное мнение Сибири в пользу нового начинания и председательствовал в урало-кузнецкой комиссии.

На трибуну входил Гудков. Бывший министр возглавлял Сибирский геологический комитет и выступал против Грума.

— Господа,— начал Павел Павлович.

Внизу щелкнул выстрел. Еще и еще... Публика вскочила. В руках офицеров замелькали револьверы. Заметались истерические крики. Начали прыгать из окон.

5

Гутовский получил в раздевальне пальто Елены Евгеньевны. К ним подошел офицер-каратель, капитан Четвериков, влюбленный в Елену Евгеньевну.

— Попрощайтесь со мной, Елена Евгеньевна. На рассвете я еду, прямо в бой.

Он протянул ей руку.

— Вы мне надоели, уйдите,— сказала она и не подала руки.

Капитан выхватил револьвер и выстрелил несколько раз. Последний патрон он пустил себе в висок и упал мертвый.

Елена Евгеньевна еще дышала, ее сейчас же увезли в университетскую клинику. Когда Федорович пробился в раздевальню, там швейцар, отталкивая любопытных, вытирая головой тряпкой лужицы крови. Федорович бросился в клинику. Елена Евгеньевна умерла на извозчике, не приходя в сознание. Федорович вернулся домой, упал головой на письменный стол и всю ночь оставался, как каменный. Приходили и уходили люди. Федорович не сделал ни одного движения. Только к утру он заплакал. В комнате был Гудков. Федорович посмотрел на него и сказал:

— Теперь мне остался только Копикуз, да и то... Дела идут плохо.

Елену Евгеньевну похоронили в тот же день. Федорович не проронил больше о ней ни слова. Вечером после похорон он спросил брата:

— Карательная экспедиция выехала?

— Да. Восемь пулеметов. Начальником полковник Ромашев.

Про полковника Ромашева говорили, что он мастер бифштекса. Расстрел он применял, как милость, жертвы превращались сначала под шомполами в кровавый кусок мяса.

На следующую ночь к Курако постучали. Экономка Анна Ивановна впустила человека с бледным лицом и черными глазами. Она привыкла, что к Курако приходят неизвестные люди, noctуют и исчезают бесследно. Она носила им чай и не задавала вопросов.

Пришедший был Сергей Дитман, большевик, член под-

польного томского комитета партии, на днях бежавший из тюрьмы.

— Я ночую сегодня у вас, Михаил Константинович, — сказал Дитман.

— Хорошо.

Дитман рассказал Курако подробности кольчугинского восстания. Там поднялись раньше времени, не зная, что срок перенесен.

— Посланы разными дорогами люди, чтобы без потерь вывести восставших в тайгу, — говорил Дитман. — Недалеко оперирует отряд анархиста Рогова. Наше влияние в отряде ничтожно. Возможно, мне придется с'ездить туда.

— Есть ли у вас оружие? — спросил Курако.

Дитман вынул из кармана браунинг вороненой стали. Курако взял револьвер и узнал его с первого взгляда.

— Вы скрывались эти дни у Федоровича? — спросил он. Дитман кивнул.

Еще в 1914 году Федорович выручил его по знакомству из Нарыма. Брат Дитмана, Константин Сергеевич, кончил горный институт вместе с Федоровичем. Они были знакомы семьями. По просьбе товарища директор-распорядитель Копикуза через томского губернатора перевел Сергея в Томск и принял на службу в чертежное бюро. В дни колчаковщины Дитман приходил к Федоровичу как знакомый и оставался ночевать.

Федорович никогда не разговаривал с Дитманом на политические темы. Он держал себя так, будто не знал, что Дитман большевик.

На вторую ночь после смерти Елены Евгеньевны Дитман подошел к Федоровичу и сказал:

— У вас впереди вся жизнь и увлекательное дело.

— Оставьте меня, — закричал Федорович. — Все, все вы против меня. Большевики и Колчак — все против Копикуза. Уходите, не смейте говорить со мной.

Дитман молча вышел в переднюю и одел пальто. В дверях показался Федорович — посеревший, с мутными глазами.

— Уже уходите, Сергей Александрович? Простите меня, я запутался и ничего не понимаю в жизни. Брат посыпает карателей убивать большевиков, а у меня ночует большевик. Я скоро уйду к Елене. Вот вам револьвер на случай...

Курако выслушал рассказ задумчиво и молча.

— У меня есть просьба, — сказал он. — Я хочу переслать кусок кокса в Россию на Енакиевский завод инженеру Бардину, если это возможно и не трудно. Для меня это важно.

— Давайте. Повторите — кому?
Курако повторил адрес.

6

Броневик и эшелон повстанцев был разбит Ромашевым около Раскатихи. Повстанцы уходили в тайгу.

Утром 12 апреля каратели на конях влетели в Кольчугино. Поселок был оцеплен.

В штаб отряда сгоняли прикладами все взрослое мужское население. Начался допрос и проверка документов.

Весь день около штаба стояла длинная очередь. Впускали через одну дверь, выпускали в другую. Первым зарубили тихого старичка — сборщика профсоюзных членских взносов. И пошло...

У тех, кто выходил из дверей были землистые лица. Их мутило от противного сырого запаха крови и страшных криков. Подозрительных избивали и сбрасывали в подвал.

На рассвете начались расстрелы. Людей уводили к лесу. Трупы убирать запретили. Собаки выли по ночам и бегали с окровавленными мордами. На третий сутки стали расстреливать днем.

Военным приказом оставшиеся по гудку спускались в шахты. Везде сверкали штыки и шашки на-голо.

Каждую ночь рабочие тайком уходили в тайгу к Рогову и Новоселову, наводившим ужас на колчаковцев.

Пустые места на барабанных нарах занимали прибывающие сибирские крестьяне.

Черная пыль, прокаленная жарким сибирским солнцем, садилась на огромный холм братской могилы, не отмеченной ничем.

Глава седьмая

ЧЕРНОЕ ЗНАМЯ

1

Маленькие тюремные окна пробиты высоко, под самым потолком. Светит луна. Тени решеток накрест перечерчивают каменную стену.

Слышится шопот. Людей не видно. Они лежат, притаившись, укрытые мягкими охапками стружек. Их двенадцать человек — проектное бюро доменного цеха Копикуза.

Чернеет толстое железное кольцо, намертво вделанное в стену. Когда-то к нему приковывали каторжников на ночь. Курако пробирается к двери. Он шуршит в стружках, как

мышь. У дверей он замирает и прислушивается. Тишина. Давно смолкли скрипы саней на дороге.

Белые ушли с Гурьевского завода. Опасаясь, чтоб они не забрали с собой конструкторов, Курако спрятался с ними в стружках модельного цеха.

Триста километров отделяют Гурьевский завод от железнодорожной магистрали. На лошадях везут к заводу уголь и руду, на лошадях отправляют железо.

Завод считается работающим на оборону. Курако перебросил сюда свою группу и включил ее в штат завода. Это гарантировало от мобилизации.

Когда-то Гурьевский завод был серебро-плавильным и принадлежал кабинету его величества. Он выстроен каторжниками. В старинной книге приказов писали гусиным пером: «рабу божьему имя рек отпустить полста розог».

Осматривая впервые завод, Курако отплевывался и хохотал. Маленькая домна с открытым колошником не защищена железной броней.

Огонь выбивается сквозь щели каменной кладки и длинным синим языком выхлестывает кверху. Руду и уголь взят на колошник лошадьми по деревянному помосту. Чугунную летку забивают березовыми клиньями, «пихлами» — от слова пихать.

Вода — единственный источник двигательной силы завода. Из пруда — его называют «водяной ларь» — лавина воды ниспадает на огромное деревянное мельничное колесо. Дутье в доменную печь подается деревянной воздуходувкой. В огромных деревянных чанах медленно ходят вверх и вниз деревянные поршни, нагнетая воздух.

— Черти, хохотал Курако. Деревом железо делают. Эх, Сибирь деревянная.

Из дерева сделан в доменном цехе подъемный поворотный кран в виде огромной буквы Г. Даже механические молоты в кузнице деревянные.

Курако долго стоял у деревянного молота. Молот поднимался медленно, еле полз, и внезапно срывался со страшной силой, расплющивая податливое раскаленное железо.

— Гордишься, старик? — сказал Курако и потрогал горячую обугленную поверхность молота.— Думаешь, дерево сильней железа? В музей тебя, чудака, поставим.

Около года провели куракинцы на Гурьевке. В лунную декабрьскую ночь 1919 года, зарыввшись в стружки, они выждали ухода белых. Завод остался без власти. Белые ушли, красные не приходили.

Отряд Рогова идет на рысях из Кузнецка на Гурьевский завод.

Переднюю кошеву несет отобранная у золотопромышленников пара коней, гладких как налимы. Дуга увита красными лентами. Покошется по ветру большое черное полотнище — черное знамя отряда.

Трое суток провели роговцы в Кузнецке. Они вошли туда без боя, как почетные и званные гости. Белый гарнизон Кузнецка поднял восстание и начальник гарнизона полковник Скурат был убит из пулемета, когда скомандовал пулеметчиком открыть огонь по восставшим. Наступающие красные войска были еще далеко. Кузнецкий ревком разослав гонцов в тайгу искать партизан, звать на помощь.

Отряд Рогова, обмерзший, обтрепанный и изголодавшийся, скрывался на звериных тропах от карательных отрядов. На войсковые соединения белого тыла роговцы наводили панический страх. Они обрушивались внезапно и деревянными саблями рубили наповал. Пленных не брали. Всем смерть.

Нестройный тысячной массой с присвистом и гиканьем вступили роговцы в Кузнецк. На заморенных конях сидели верхами по двое. У большинства самодельное оружье — деревянные сабли и длинные колья. Одеты в полушибки, в женские салопы, в купеческие дохи, в солдатские шинели. Некоторые в одних гимнастерках. Всевозможным тряпьем обернуты ноги, редкие имели пимы. Там и сям блестели одежды из поповских риз. Иметь штаны из ризы или накрыть ризой коня вместо попоны считается у роговцев особым щегольством.

У кузнецкого собора на базарной площади отряд остановился.

Человек в ладной синей бекеше, в черной папахе, в сапогах, тронул коня и по каменным ступеням въехал верхом в раскрытые двери собора. Несколько всадников поднялись за ним. Отряд рассыпался по улицам.

Через несколько минут окна собора озолотились изнутри огнем.

Огромный костер горел посереди собора. Туда подбрасывали разрубленные иконы и резную деревянную утварь.

Рогов стоял поодаль, задумчиво глядя на огонь. Каменщик по профессии, он построил много церквей и теперь жег их подряд. К нему подошли представители ревкома договориться об организации власти.

— Не треба народу власти,— сказал Рогов. Наша мать — анархия.

Он вышел из собора и приказал поджечь его со всех четырех сторон.

Единственным промышленным предприятием Кузнецка был спиртноводочный завод. Рогов послал отборных бойцов с пулеметом на охрану завода. Он запретил трогать только спирт, все остальное — «грабь награбленное».

Из трех тысяч жителей Кузнецка больше половины приходилось на торговые семьи. За Кузнецком не было больше городов. Он стоял на границе тельбесской тайги. Шорцы приносили сюда соболя, горностая и белку, здесь скупали свеженамытое золото, охотники и золотоискатели увозили отсюда продовольствие, одежду, порох и водку.

Торговцы у роговцев вне закона. Купцов рубили на месте, насиловали жен и дочерей, добро вывозили на подводах.

В сомнительных случаях Рогов предоставлял суду народа вынесение приговора. Возле сгоревшего собора сколотили высокий деревянный помост. Сюда выводили обвиняемых и скопище людей собиралось вокруг. Отряд голосовал — жизнь или смерть. Однажды к Рогову привели торговца, у которого дома осталось девять человек детей. Рогов передал купца на суд народа. Суд решил — башку долой и жителей Кузнецка обложить данью, чтобы хватило на прокорм детей. Сию же минуту купцу на помосте снесли голову.

На следующий день Рогов судил своих. Четыре роговца убили старика — сторожа копикузовских складов. В суматохе он захватил со склада несколько кусков мыла и нес домой «Куда идешь? Стой!», раздался окрик. Старик испугался и побежал. Четверо всадников настигли его, затоптали конями и на смерть засекли плетьми — в концы плетей в кожу было зашито железо. Рабочие пришли жаловаться Рогову.

— Я за справедливость борюсь, товарищи, сказал Рогов. Рабочего человека убивать не дам.

Четырех роговцев вывели на помост. Им проголосовали смерть и они упали на доски с раскроенными черепами.

Копикуз Рогов ненавидел. Его брата запороли при кольчугинской расправе. Роговцы сорвали замки со складов Копикуза. Склады были набиты скобяным товаром — дверными ручками, петлями, шпингалетами и оборудованием для квартир — умывальниками, вантер-клозетными суднами и ваннами. Это предназначалось для жилых помещений на площадке. Ванны привели роговцев в ярость — они стали

разбивать в куски фаянс и мрамор, раскидывать петли и ручки. На защиту складов бросился Садов. Жесткого администратора узнали. Сабельным ударом его положили на месте. Начались поиски инженеров Копикуза. Всем им Федорович давно роздал на случай таблетки с цианистым кали. Захватили инженера Челпанова — коксовика. Один из роговцев нашупал у него в кармане что-то твердое и вытащил две белых пилюли.

— Ишь, буржуй. Конфеты носит, сказал партизан и сунул таблетку в рот. Он захрипел и свалился мертвым. Челпанова прикончили на месте.

Нашли инженера Перлова,— заведующего южной группой рудников. В последний момент он успел проглотить цианистый кали и ему мертвому отрубили голову.

Роговцам указали квартиру Курако. Когда партизаны узнали, что там живет один из главных копикузовцев, начальник проектного бюро, они начали разгром. Все вещи выволокли из комнат. Принялись рвать и топтать огромную библиотеку Курако. Мимо проезжал Рогов. Он увидел книги, падающие на снег из разбитых окон и сказал:

— Гадов бейте, а книжки не тревожьте. От них народу вреда не будет.

Через трое суток отряд Рогова оставил Кузнецк и двинулся на Гурьевский завод.

Идет отряд на рысях. Покошется по ветру большое черное полотнище, черное знамя отряда.

3

Завод остался без власти, а куракинцы, как всегда, в восемь утра садятся за чертежные столы. Ни одного дня не позволял прогуливать Курако.

С утра Курако обходит чертежные столы и просматривает работу каждого. «Расскажите, что вы сделали», спрашивает он. Курако обладает способностью в две-три минуты проникать в смысл сложнейших чертежей и улавливать ошибки расчетов, производившихся несколько дней.

Курако проектирует завод по типу величайшего в мире завода Герри, но вчетверо меньше по масштабу.

У окна за чертежным столом сидит Жестовский — студент последнего курса Петербургского политехнического института.. Он набело вычерчивает рудный кран. Курако смотрит.

— Ну, как, Михаил Константиныч?

— Постольку — поскольку. По эсеровски, пан Жестовский.

Это обычная поговорка Курако, когда он недоволен работой. Лицо Жестовского мрачнеет.

— Эта балка слаба, — говорит Курако. Возьмите вдвое больше.

— Я два дня высчитывал.

— Еще посчитайте. Вечером скажете.

Курако отходит.

В группу Курако Жестовский попал случайно. В 1917 году в номере петербургской гостиницы, ожидая, как решится судьба Копикуза, Курако сделал карандашом несколько эскизов деталей домны и попросил знакомого профессора поручить студентам сработать чертежи по карандашным наброскам. Профессор передал работу Владимирскому и Жестовскому — студентам последнего курса. Гордые, что чертят для знаменитого доменщика, студенты быстро закончили работу и принесли Михаилу Константиновичу.

Курако посмотрел на чертеж и удивленно взгляделся в лица студентов. Он никогда не видел их, а между тем чертеж выполнен так, как делали только его, Курако, вы ученики.

На Юзовском заводе доменный цех имел самостоятельное проектное бюро под руководством Гребенникова, не получившего инженерского диплома, но восемь лет проведшего в Америке на металлургических заводах.

Доменное проектное бюро Юзовки стало школой конструкторов-американистов. Они отличались от других даже в мелочах — чертежи исполнялись на стандартных листах одинакового формата, рамка чертежа отступала от края на 5 миллиметров, надписи располагались в правом верхнем углу. Достаточно бросить взгляд на чертеж, что узнать работу куракинской школы. Такой чертеж принесли Жестовский и Владимирский.

— Кто научил вас так чертить? — спросил Курако.

Студенты ответили, что провели лето на одном из уральских заводов, там их учил Казарновский и с тех пор они не могут чертить иначе.

— Чему еще вас научил Казарновский?

Студенты стали рассказывать. Курако слушал, улыбаясь. Как упругие мячи, к нему возвращались слова, которые он бросал на юге. Студенты говорили, и Курако узнавал свою теорию, свое понимание печи, излюбленные свои словечки.

Казарновский два лета — в одиннадцатом и в двенадцатом году — провел на студенческой практике в Юзовке и

это навсегда решило его инженерную судьбу. Он стал куракинцем, американистом. Он передавал другим, что воспринял от Курако. Так создавалась школа.

— Казарновский едет со мною, сказал Курако. — Не поехали бы вы? Дело найдется.

Два года провели студенты с Курако, отрезанные от Петербурга.

Вечером Жестовский приходит к Курако. У него решительный и мрачный вид. Он говорит:

— Михаил Константинович. Вы правы. Предельной нагрузки балка не выдерживает.

— Вот и отлично.

— Я решил уйти от вас, Михаил Константинович. Из меня ничего не выйдет. Ничего я не знаю, ничего не умею. Люди без институтского образования работают лучше меня.

— Вот это правильно, вот это хорошо.

Курако смеется и глаза его светятся радостью.

Жестовский стоит, понуря голову.

— Вы, действительно, ни черта не знаете. Поздравляю, из вас выйдет человек. Об уходе бросьте думать. У меня есть спиртяга, отпразднуем этот случай. Только чур, Жестовский, — помните: каким бы большим начальником вы ни были-б, никогда не воображайте, что вы много знаете.

Вечером Курако созывает доменщиков.

В вечерние часы любимое развлечение — споры. Все объединяются против Курако. Никто не помнит, чтоб в споре удалось уложить его на обе лопатки.

Казарновский, Жестовский и другие подолгу готовились к спорам. Последние дни они рылись в Гурьевском заводском архиве и перевели разговор на историю сибирской металлургии.

Жестовскому удалось прижать Михаила Константиновича к стенке. Курако не знал, когда и почему был закрыт первый в Сибири томский железоплавильный завод.

Развеселившийся Жестовский притащил архивную папку и разыскал доклад о закрытии томского завода. Завод закрылся два года спустя после отмены крепостного права.

Курако взял архивное дело из рук Жестовского и прочел сам:

«Переход алтайских заводов от обязательного труда к вольнонаемному изменил условия выгодности заводского хозяйства до такой степени, что в некоторых местностях, где могла существовать горная промышленность при обязательном труде, принося выгоды, по совершенном заменении

этого труда вольнонаемным она вместо выгод будет приносить прямой убыток, ибо для привлечения вольнонаемных рабочих придется значительно возвысить заработную плату».

Курако побледнел, как всегда в минуты волнения. Никто не понимал, почему он взволнован.

— Что теперь с томским заводом? — спросил Курако.

— Он сравнялся с землей, сказал Жестовский. Там вырос молодой пихтач.

— Это будущая судьба заводов юга. Три дня готовились барбосы, и ничего не поняли.

Курако ходил по комнате и говорил. В Америке на одного рабочего приходится шесть тонн суточный выплавки, в России половина тонны. Техническую отсталость заводы юга перекрывали нищенской заработной платой и двенадцатичасовым рабочим днем. Старые заводы не выдержат революции — восьмичасового рабочего дня и высокой оплаты труда, потому что там в десять раз больше рабочих, чем требуется уровнем современной техники. Американские гиганты — вот что несет революция.

— Учитесь, барбосы! — говорит Курако. — Кроме вас никто не умеет проектировать американские печи. Вам придется строить заводы, которые сейчас никому не снятся.

Дверь распахивается без стука.

— На улицу, товарищи! Красные партизаны идут!

— Ура! кричит Курако. — Вот она — революция!

4

Все население Гурьевска на улице. Красные знамена висят над черными рядами.

Впереди отряда скачет Рогов на белой лошади. Он выкрикивает приветствие и поворачивает к церкви. Через несколько минут деревянная церковь пылает.

Курако стоит с Жестовским и Казарновским. Клубы дыма кажутся белыми в темноте. Взвиваются языки огня. Как бы продолжая прерванный разговор, Курако говорит тихо:

— Так расправляется революция со старьем.

Несколько роговцев с деревянными саблями наголо подходят к ним. Курако тянется к деревянному оружию.

— Ха-ха-ха... Покажи, покажи...

Роговец спрашивает:

— Вы что за люди?

Курако называет себя.

— Попался, гад! — кричит роговец. Он замахивается саблей. Дерево почернело от времени и крови.

Всех троих ведут к Рогову.

Рогов занял лучший дом поселка. Это квартира Курако. На полу валяется архивное дело. Видны заглавные буквы — «Доклад о приостановке действия томского горного завода»...

Рогов ждет обеда и чистит ногти перламутровым перочинным ножиком. Ему докладывают об арестованных.

Курако вздрагивает.

— Откуда у тебя ножик? — вырывается у него. — Ведь это Садова.

— Народ башку ему срезал, — хмуро отвечает Рогов. — И тебе то же будет.

Рогов поднимает голову и Курако видит добрые глаза и простое спокойное лицо.

— Завтра народ вас судить будет. Да завтрева живите, — говорит Рогов.

Приносят щи. Курако смотрит остановившимся взглядом на дымящуюся миску. Белый пар поднимается и исчезает бесследно.

— Есть хочешь? — спрашивает Рогов, — садись, хлебай последний раз.

Курако сбрасывает оцепенение, садится к столу и кричит:

— Под кроватью у меня две бутылки. Помирать, так с музыкой.

Рогов недоверчиво щурится. Он помнит пилюли цианистого кали.

— Наливай первый, — говорит он.

Курако наливает стакан. Он выпивает залпом, переводит дыхание и не закусывая ничем, нюхает корку черного хлеба. Все выжидающее смотрят. Курако выпивает еще полстакана, крякает и тянется к щам.

Наливает из бутылки Рогов. Привычным жестом он опрокидывает стакан в рот и в то же мгновение лицо его наливается кровью, глаза выпучиваются, как у удавленника, он хрипит и со свистом хватает воздух. Роговцы бросаются на Курако с саблями. Рогов машет руками на своих.

Курако смеется.

— Это, чистый спирт, — говорит он. — Девяносто шесть градусов.

Отдохнувши, Рогов смотрит на Курако и не может скрыть восхищения.

— За что судит будешь? — спрашивает Курако.

— Не я буду судить — народ. Как жизнь прожил? Кому служил? Паразитам служил.

Курако молчит. Вся жизнь пробегает в секунду. Вспоминается то, о чем не любил вспоминать — товарищи уговаривали стать подпольщиком профессионалом, он отказался и вернулся к печам. Не здесь ли ошибка всей жизни? Неужели вот оно — пришло возмездие? Курако отвечает.

— Я железо плавил. Оно нужно народу...

— Не треба народу железа, — задумчиво и убежденно говорит Рогов. — От железа — насилие. Без железа все равны будут. Войн не будет. Сильных не будет и слабых.

Рогов понижает голос и с доверчивым детским любопытством спрашивает:

— Не умеешь ты этого — чтоб все железо в порошок, в пыль? Состава такого не знаешь?

— Не знаю.

— Я б тебя в помощники взял... Сибирь подняли бы, в Китай пошли. Китай мою программу примет.

— Да тебя в музей надо, — восклицает Курако. Он вспоминает, как стоял перед деревянным молотом. Молот поднимался медленно, еле полз и вдруг со страшной силой обрушился вниз. «Может и вправду дерево сильней железа» мелькает в голове.

На утро в модельном цехе собрался народный роговский суд. Туда привели арестованных.

— На верстаки вставайте, — тихо командует своим Куруко, — народа не бойтесь, пусть видит народ.

Они взбираются на верстак. В маленькие тюремные оконки, пробитые под самым потолком, видно небо и солнце. Чернеет в стене толстое железное кольцо. Они прятались здесь позовчера.

Рабочие и роговцы наполняют цех. Первым судят Казарновского.

Рогов голосует.

— Инженеру Казарновскому, угнетателю народа, башку долой. Подымите руки...

— А мы дадим?

Рядом с Казарновским вырастает над толпой старик котельщик Егоров. Он большевик. Несколько месяцев назад Казарновский случайно поймал обрывок разговора офицеров и уловил несколько фамилий, в том числе Егорова. Инженер предупредил всех. Ночью каратели перерыли все барахло в каморке Егорова, но котельщика не нашли. Он скрывался около завода и появился когда ушли белые.

Маленький человек в защитной шинели, в сдвинутой кубанке с красноармейской звездой вбегает в цех.

— Товарищи! — кричит он.— Я делегат 129 красного полка. Красные бойцы послали меня приветствовать товарищей рабочих. Ура!

Он снимает кубанку и машет. Долго не смолкает приветственный рев. Андрияшко — это фамилия делегата — спрашивает почему собрались. Ему объясняют:

— Самосуды запрещаю, — кричит Андрияшко.— За самосуды расстрел! Объявляю открытым митинг о международном положении и задачах Советской власти.

— С Красной армией мы не бьемся,— хмуро говорит Рогов. Он встает с председательского места и выходит из цеха.

Через час роговцы покинули Гурьевск.

Сутки спустя в Гурьевск вошел 129 кавалерийский красный полк. Он растянулся длинной лентой. Через каждые три ряда верховых двигались на санях пулеметы.

Глава восьмая

БЕГСТВО

1.

Поезд движется медленно, часами простоявая у семафоров. Они сидят в отдельном купе — Федорович, Гудков и Валентина Петровна — жена Гудкова. По обеим сторонам пути валяются красные коробки товарных вагонов. Товарные составы сбрасывались с рельсов, чтобы очистить путь на восток.

Потянулась Анжеро-Судженка — крайний северо-восточный угол Кузбасса. Геологическая карта Кузбасса, составленная учениками Лутугина, напоминает силуэт летучей мыши — два огромных распластанных крыла, острые мордочки смотрят на восток. Краем правого крыла Кузбасс касается сибирской магистрали. В сумерках темнеют загрязненные вышки надшахтных зданий. Зажигаются редкие огни. Федорович не отрываясь, смотрит в окно.

— Валя, — говорит Гудков — куда нас несет? Может быть останемся?

Жена Гудкова не произносит ни слова. Вторые сутки она не умывалась. В уборных спят и едят. Сейчас она совсем не похожа на свои портреты. Там высокая дама с пышной

грудью в кружевах, с китайским веером и белым зонтиком в руке. Здесь грязная женщина, подернутые просинью губы, посеревшее злое лицо.

— Валя, — еще раз ласково и робко повторяет Гудков.
Ответа нет.

— Осип Осипыч, как вы думаете? Ведь не расстреляют же нас, а?

Федорович молчит. Он уткнулся в окно и не поворачивается к Гудкову.

Гудков смотрит поочередно на жену и на Федоровича. Это два человека, которые семь лет вели его жизнь. Почему они молчат сейчас?

Они сделали его министром сибирского правительства.

— Осип Осипыч, почему вы сами не пошли в правительство? Ведь вам же предлагали.

Федорович молчит. Да, ему предлагали, он отказался. Он порекомендовал Гудкова, руководителя разведками Копикуза, открывателя новых богатств Сибири, искателя сибирского железа. Валентина Петровна настояла, чтобы Павел Павлович согласился. Он упирался, но уступил. Она стала женой министра торговли и промышленности временного сибирского правительства. И вот... Поезд, мешки, посеревшие лица, впереди неизвестность. Почему они молчат?

2.

Фигура Гудкова была подходяща для министерского поста. Коренной сибиряк, демократ, геолог, путешественник, открывший в Сибири железо, связанный с Копикузом, друг Федоровича.

Первое — предколчаковское — сибирское временное правительство шло под знаменем сибирского областничества, под знаком потанинства. Потанинцем считал себя и Гудков.

Во время февральского переворота Потанин встречал демонстрацию, сидя в кресле на крыльце Томской городской управы. Ему трудно стоять. Старику шел девятый десяток. Толпе не видно Потанина. Студенты бросились к креслу и подняли его на руках. Они опускали и поднимали старика над толпой, как хоругвь. Его длинная густая борода развивалась по ветру, как знамя.

Потанин любил Сибирь, любил свою разину. В этом его программа, его мировоззрение, его жизнь. Он получил за это девять лет каторжных работ, не будучи ни социалистом, ни революционером.

О себе и о своем друге Ядринцеве Потанин писал:

«Мы видели перед собой свою родину, лишенную культурных благ, мы видели ее отсталость и хотели уравнять ее в культурном отношении с остальными областями России. Нам хотелось, чтобы на нашей родине было равное количество школ, чтобы безопасность и удобства жизни были такие же, как и к западу от Урала, чтобы и здесь процветали и богатели города, чтобы росла сибирская интеллигенция».

Три кита составляли основу программы Ядринцева и Потанина — отмена уголовной ссылки, создание сибирской интеллигенции путем учреждения университета и свержение московского мануфактурного ига, т. е. создание местной промышленности.

«Что бы вы, москвичи, сказали, если бы мы собрали в Сибири весь наш таежный гнус, всех наших ядовитых змей, перевезли через Урал и выпустили на ваши поля? Зачем же вы посыпаете в Сибирь убийц, воров, растлителей, всю гнусь вашего общества?»

Они добились отмены уголовной ссылки в Сибирь. Они добились открытия в Томске сибирского университета. Промышленное иго попрежнему тяготело над Сибирью.

Перед смертью Ядринцев писал своему другу из Чикаго:

«Америка меня поразила. Это Сибирь через тысячу лет. Я вижу будущее родины. Сердце замирает и боль, и тоска за нашу родину. Боже мой! Будет ли она такой цветущей?».

К Копикузу сибиряки отнеслись настороженно. Они увидели пришельцев, чужаков, завоевателей. Они называли приезжих «навозным элементом». Безликие банки, протягивающие руки из Петрограда и Парижа, пугали их. В 1914 году умный Федорович привлек к работе Гудкова и Гутовского. Сибирская интеллигенция поворачивалась к Копикузу. Она начинала видеть в нем осуществление своих надежд.

3

— Что сейчас в Томске? вслух спрашивает Гудков. Он не может долго выносить молчания. Он отвечает сам себе.

— Усов перебирается на мою квартиру.

Гудков передразнивает Усова. Он надувает щеки, расправляет плечи, делается грузным и солидным.

— Тэк-с, тчк-с... — говорит он голосом Усова.) — Ну-те-ка, Павел Павлович, примерим ваши брюки. Коротковаты-с, коротковаты-с.

Гудков передразнивает так похоже, что Федорович не может удержаться от улыбки. Гудков продолжает разговор с собой.

— Усов получит кафедру геологии. Он станет директором Сибирского геологического комитета. Я всю жизнь стоял ему поперек дороги.

Гудков внезапно что-то вспоминает и заливается смехом.

— Но его Котульский съест, ей богу, съест, помяните мое слово, Осип Осицыч.

Гудков хохочет. Федорович молчит. Гудков изображает Котульского. Движения становятся медлительными, голова высокомерно поднимается, губы брезгливо отвисают.

— Это мальчишка из бакалейной лавки, а не профессор геологии,— говорит он голосом Котульского.

Очень похоже и очень смешно, но никто не смеется. Гудков становится грустным.

В этот час в Томск приходит телеграмма Сибревкома.

«Примите все меры возвращению Гудкова убеждению его оставаться имени Сибревкома гарантируете ему работу».

Гудков пробыл министром сибирского временного правительства меньше года. Он помогал Федоровичу и проводил в правительстве субсидии Копикузу. Но единственным настоящим делом, совершенным им в бытность министром, было, по его мнению, создание Сибирского геологического комитета. Еще в программе Потанина создание Сибирского геологического комитета шло вслед за учреждением сибирского университета. Потанинцы хотели, чтобы сами сибиряки искали и разрабатывали несчетные богатства сибирских недр. Петербургский геологический комитет считал это блажью. Все разведки в Сибири велись петербургскими геологами. Федорович едва ли не первый нарушил эту традицию.

В конце 1918 года Гудков использовал власть министра и создал Сибирский геологический комитет. Во главе его встали сибирские геологи — сам Гудков и Усов. С этого времени все разведки полезных ископаемых Сибири могли проводиться лишь по заданию или разрешению Сибирского геологического комитета. Петербургские геологи боролись против этого. Котульский пришел в ярость. Он отказался подчиняться «соплякам» и не подавал им руки. Он дошел до Колчака и с его дозволения создал Российский геологический комитет в Сибири. Федорович пытался примирить врагов. Успеха он не добился.

Поезд останавливается в поле и стоит всю ночь. На рассвете Федорович соскаивает с подножки. Его меховые сапоги уходит в снег по колено. Паровоз не дымит. Федорович идет в поле. Спереди и сзади, насколько хватает глаз, стоят красные и зеленые составы, теряясь в дали, по обе стороны горизонта. Федорович переходит через площадку на другую сторону пути. В двух километрах виднеется дорога. По ней непрерывно двигаются сани, увозя людей на восток. Федорович возвращается в вагон. Чугунная печка покрылась изморозью. В вагоне нет угля. Гудков и Валентина Петровна прижались друг к другу, накрывшись шубами и одеялами. Гудкова прохвачивает временами мелкая дрожь.

- Пробка, говорит Федорович. — Поезд дальше не пойдет.
- Что же делать?
- Добывать лошадь и сани.
- А может быть останемся, — жалобно просит Гудков.
- Мы замерзнем здесь, как котята.

Увязая ногами в снегу, падая и задыхаясь, они выходят на лощеную полозьями дорогу. Безконечной чередой сани уходят навстречу поднимающемуся белесому солнцу. Трупы лошадей со вздутыми животами и надтреснутыми задами лежат по краям дороги, отмечая черными вехами путь на восток. Глядя вниз, тащятся пешеходы.

- Бросайте вещи и пойдем.

Федорович говорит властно, словно приказывает.

Впереди неожиданно останавливается пара лошадей. Там сбиваются люди. Федорович проталкивается вперед, схватив под руку Валентину Петровну.

В санях сидит старик в меховом картузе, обвязанный пуховой шалью. Правой рукой он обнимает седую женщину в собольем солопе. Лицо его побелело. Уши, щеки, седые баки одинакового грязновато-молочного цвета. Это один из томских золотопромышленников с женой. Они ехали всю ночь и оба замерзли, уснув на ходу. Их грубо выволакивают из саней. Старик ударяется носом о деревянный ободок и кончик носа отлетает, как у гипсовой статуи. Из саней выкидывают сундуки и узлы. Федорович вталкивает в сани Валентину Петровну и Павла Павловича. Туда втискиваются еще двое. Для Федоровича не остается места.

Директор-распорядитель Копикуза стоит на дороге, притаптывая меховыми сапогами, и провожает глазами уплывающие сани.

Глава девятая

ПАРТБИЛЕТ № 1

1.

Срочная.

Новониколаевск, Тайга, Юрга, Кольчугино, Кемерово, Топки, Кузнецк, Гурьевск.

Михаилу Константиновичу Курако.

Уполномоченный Совета обороны просит немедленно прибыть его поезд станцию Томск. Свердлов.

Никто не знал, где Курако и жив ли он. Венямин Михайлович Свердлов телеграфировал в восемь адресов.

Поезд Свердлова из шести классных и двух товарных вагонов подтягивался за наступающей пятой армией. В вагонах расположились крупнейшие специалисты Москвы и Ленинграда на всем отраслям хозяйства. В вагоне Свердлова стоял сундук, доверху набитый тугими связками желтых советских миллионов — лимонов, как их называли тогда. Экспедиция Свердлова была сформирована и двинута из Москвы по предписанию Ленина. Венямин Михайлович имел право без сношения с Москвой делать окончательные распоряжения по всем хозяйственным вопросам. Перед отъездом Ленин просил Венямина Михайловича сугубо, архисугубо нажать на восстановление нормального движения по сибирской магистрали. «В этом сейчас гвоздь для снабжения фронта, для переброски сибирского хлеба в голодящий центр» — говорил на прощание Владимир Ильич.

Хозяйство Сибири было парализовано откатывающимся фронтом. Так ползучий гусеничный танк, подминающий деревья, изгороди, дома оставляет после себя широкую омертвелую полосу и скоро встает придавленная рассеченная трава.

Поезд Свердлова продвигался медленно. Средняя скорость движения по сибирской магистрали была три километра в час.

Больше половины железнодорожного персонала лежало в тифу. На станционных платформах валялись полуголые трупы. Теплую одежду живые снимали с мертвых. Тела промерзали к обледенелым платформам, их заносило снегом и некому было убирать.

На станциях не было угля. Паровозы простаивали без топлива. Свердлов пошел на крайнюю меру — он остановил

все движение на пять суток. Военное командование устраивало ему скандалы по прямому проводу. Пять суток по линии проходили лишь составы с бурым углем из Челябинских копей. На станциях появились крохотные запасы угля на два, на три, на четыре дня.

Поезд Свердлова пробивался на восток, к углям Кузбасса. Надо во что бы то ни стало восстановить там добычу и дать магистрали кузнецкий уголь.

Перед Новониколаевском поезд застрял. Впереди линия забита пробкой. Несколько сот пассажирских и товарных поездов стояли в затылок с замороженными паровозами. Лента поездов тянулась на сорок километров. Подобной пробки не знала мировая история железнодорожного движения. Колossalные трофеи на колесах переграждали движение, как взорванный мост.

Пробку рассасывали с двух концов. Ремонтные бригады развертывали походные кузницы на снегу. За каждый оживленный паровоз Свердлов выплачивал премию немедленно, на месте, в своем вагоне. Москва стучала по телеграфу — «хлеба, хлеба». Разогретые паровозы уходили на запад. Они назывались ленинскими. Поезд Свердлова просекало красное полотнище с лозунгом «Дадим паровозы Ленину». От связок в сундуке оставались веревочки. Из пробки вышло двести исправных паровозов.

— Угля! Угля!

Паровозным топкам нехватало топлива. Несколько вагонов с теплой одеждой Свердлов отправил из пробки в Кузбасс, чтоб поднять там добычу.

Кузбасс угля не давал.

В конце января 1920 года поезд Свердлова прибыл в Томск. Веньямин Михайлович вызывал управляющего Сибугля. В вагон явился заместитель управляющего — главный инженер Сибугля — Федорович, Осип Осипыч.

2

После ухода роговцев Курако вернулся из Гурьевки в Кузнецк. Квартира поразила пустотой. Голос странно отдавался в белых штукатуренных стенах. Роговцы топили печи письменным столом, комодом, стульями. Не осталось ни одной смены белья. Рукопись «Доменная печь», над которой Курако работал два года, исчезла. Обрывок Курако нашел во дворе в уборной и ему бросилась в глаза выбитое прописными буквами имя Джюлиана Кеннеди. Курако хотел прочесть и

не смог. Буквы танцевали и сливались. Двухлетняя работа погибла. Сам не зная зачем, он сложил аккуратно обрывок и положил в бумажник.

После прихода Красной армии Курако ввели в члены Кузнецкого ревкома и назначили председателем уездного совнархоза. Одновременно ему пришлось стать управляющим южной группой копей Кузбасса. Его просили взяться за это, чтобы не допустить развала. После испытания на кокс осиновских углей Котикуз нагнал в Осиновку около тысячи рабочих. Они сверлили землю, вкалывались в пласты. Продукцию вели и в Прокопьевске, богатейшем месторождении Кузбасса, в сорока верстах от Кузнецка. Теперь все грозило рухнуть. Три месяца рабочие не получали денег. На зиму остались без пимов, рукавиц и полушубков. Курако не знал, что будет дальше с заводом.

Телеграмма Свердлова не застала Курако в Кузнецке. Он выехал на Осиновку. Три дня подряд на него валились неожиданности. В санях на паре коней ему привезли на квартиру два каравая черного хлеба. Они затвердели на морозе, как чугун. Не снимая тулупа, привезший разрубил их в комнате топором. Выпали слежавшиеся холодные деньги. Две недели везли их из Томска. Партизанские отряды и шайки дезертиров шесть раз обыскивали сани. Никто не польстился на черный замерзший хлеб — в Сибири было много пшеницы, сала и молока. Курако выдал расписку в получении. На следующий день пришло извещение о прибытии на станцию Бочаты двух вагонов с теплой одеждой и трех вагонов с оборудованием — буровой инструмент, проволка, гвозди, насосы... Курако послал на разгрузку лошадей, и людей. На третий день он получил бумажку из Сибугля. Курако сразу узнал энергичный лапидарный стиль Федоровича и его вытянутую, как проволока, подпись. Федорович сообщал о высылке денег, одежды, оборудования и предписывал ни на день не приостанавливать работ на Осиновке и Прокопьевске.

Курако сам повез деньги на Осиновку. В трех километрах от осиновского улуса на Туштепской площадке — она предназначалась для завода — он остановил коня. Курако находился на самом возвышенном месте площадки — здесь будет народный дом. Лесопилка, склады, штабеля камня укрыты снегом. Курако знал площадку наизусть. Он видел под снегом ее террасы, бугры и впадины. Курако нашел глазами точку, где станет первая домна — он угадал ее безошибочно. Печь, спроектированная им, встала в воображении.

Большие и маленькие трубы, оплетающие ее во всех направлениях, похожи на вывороченные внутренности какого-то гигантского животного.

Будет ли здесь завод? Или останется нерожденный на кальке, как шестимесячный выкидыш в банке с желтоватым спиртом?

Распоряжения Сибугля давали надежду. С какой стати всаживать сюда капиталы, если не будет завода?

Курако тронул коня и шагом проехал мимо площадки.

Вернувшись в Кузнецк, он застал телеграмму Свердлова.

Курако запрыгал на одной ноге. Ему захотелось поделиться с кем-нибудь новостью. В городе не было никого из своих, и Курако при свече набросал карандашем открытку своему другу и лучшему ученику, с которым не виделся три года.

«Не знаю получишь ли эту цидульку: сейчас получил телеграмму от Свердлова представителя центра. Будем строить завод. Хорошо в Сибири. Здесь быстрые реки и чистая вода. Когда купаешься и залезешь по шею, на дне видны ноги. Не то, что юзовская муть. Фурмы не будут гореть. Приезжай в гости. Может через год пустим первый номер — останешься совсем. Курако.

На обороте он написал. Енакиевский завод. Ивану Павловичу Бардину.

Перед рассветом Курако выехал на лошадях к поезду.

3

Свердлов пробыл в Томске большие недели. Он несколько раз говорил с Федоровичем. Перед отездом он пригласил его последний раз.

В вагоне появился самовар. На столе варенье, лимон, торт. Веньямин Михайлович хотел поговорить с Федоровичем дружески на чистоту.

Веньямин Михайлович мягкий и деликатный человек. С высшим образованием, побывавший заграницей, имевший массу знакомств в кругу московской и питерской интеллигенции, он просто и легко устанавливал отношения взаимного понимания со специалистами. Новая власть появилась перед сибирской интеллигенцией в лице чрезвычайно вежливого и мягкого человека. Из каждого крупного города он слал телеграммы по линии «всем, всем, всем» с призывом бережного и чуткого отношения к интеллигенции. Всем специалистам, работавшим у Колчака, гарантировалась полная

безопасность от имени центральной власти. Свердлов делал это по прямому поручению Ленина.

Когда Федорович вернулся в Томск, он не подвергся никаким репрессиям.

Распрощавшись с Гудковым, он медленно зашагал к Красноярску. Красные взяли Красноярск боковым ударом. Гудков проскочил, Федорович не успел.

В Томске его немедленно назначили техническим руководителем Сибугля. Федорович сел в свой кабинет, за свой письменный стол — Сибуголь расположился в помещении бывшего Копизуза. Национализация прошла незаметно и безболезненно.

Федорович попрежнему распоряжался Кузбассом. В первые же дни своего пребывания на посту главного инженера Сибугля Федорович отправил все, что можно — насосы, железные изделия, теплую одежду по Кольгугинской ветке южной группы рудников Осиновке и Прокопьевску. Он послал туда всю наличность, чтобы обеспечить ход капитальных работ.

Свердлов считал это ошибкой. Он дал указания Сибуглю, но Федорович все же проводил свое.

Свердлов заварил чай и откупорил бутылку черного мускатного. Он говорил о столичных новостях, сообщил подробности гибели Трепова, рассказал биографию Франкфурта, принявшего управление угольной промышленностью Сибири. Федорович виделся с Франкфуртом два раза. Франкфурт носился по Сибири, национализировал, назначал новых людей, говорил торопливо, захлебываясь.

Свердлов спросил Федоровича, какое впечатление произвел на него Франкфурт.

— Мне кажется, он справится не хуже Трепова, — сказал Федорович без улыбки.

Сдержанность Федоровича таet. Свердлов переводит разговор на урало-кузнецкий проект. Федорович может говорить об этом до утра.

Свердлов слушает.

— Нужны ли деньги для окончания проекта?

— Да.

— Сколько?

Федорович называет сумму.

— Общество сибирских инженеров может получить деньги завтра здесь у меня в вагоне. Скажите, Осип Осипыч, почему вы противитесь развитию Анжеро-Судженки?

Федорович смотрит на Свердлова с удивлением. Неужели

этот человек ничего не понял из того, что он только что говорил о завоевании Урала кузнецким коксом, о перспективах Кузнецкого бассейна? Федорович отвечает сухо и точно.

— Потому что там бедные, грязные, тощие пласти. Там нет коксующихся углей.

— Но ведь Анжерка и Судженка прилегают к магистрали... Близь магистрали нет больше шахт. Нам нужен уголь немедленно, сегодня, грязный, зольный, тощий, какой хотите. У нас стоят паровозы.

Федорович не понимает этой логики. Он об'ясняет Свердлову, то миллион золотом, брошенный в Прокопьевск и Осиновку даст через пять лет десятки миллионов, двинет преобразование страны, подготовит коксовую базу Тельбесского завода, положит начало осуществления Урало-Кузнецкого проекта. Миллион золотом, брошенный в Анжерку, будет выброшен чуть ли не на ветер. Анжерка не имеет перспектив. В системе Урало-Кузнецкого проекта она занимает ничтожное место.

— Но уголь нужен сегодня...

— Кое-что туда мы даем...

— Мало... Как вы не понимаете, Осип Осипыч, что жизнь страны зависит сейчас от сибирской магистрали, от продвижения составов с сибирским хлебом...

В дверь стучат...

— Веньямин Михайлович. К вам товарищ Курако... По вызову...

— Ага. Попросите его сюда...

— Здравствуйте Осип Осипыч! — восклицает Курако, увидя Федоровича. Опять вы вместе. Вместе завод будем строить.

— У Веньямина Михайловича другие планы, — говорит Федорович.

Свердлов здоровается с Курако.

— Я много слышал о вас, Михаил Константиныч. Вы нужны республике.

Спор продолжается. Курако слушает молча.

Опять стучат в дверь. Телеграмма.

Свердлов читает про себя, потом вслух.

Поезд Совета обороны Свердову.

Передаю полученную телеграмму ковычки Омск Сибпродком тчк ввиду обострившегося до крайности положения продовольствием предписываю в порядке боевого приказа напряжением всех сил повысить погрузку отправку хлеба

центру до максимума тчк ежедневно прямому проводу сообщайте лично мне и наркомпроду первое наличие на станциях желдорог второе количество подвезенного станциям хлеба за сутки третье погрузка хлеба за сутки четвертое если был недогруз причины последнего тчк предсовобороны Ленин ковычки тчк движение погруженных маршрутов задерживается отсутствием угля прошу сосредоточить все силы даже ущерб другим заданиям на снабжении магистрали углем тчк предсивревкома Смирнов.

— Как хотите, Осип Осипович, а я попрошу вас все средства направить в Анжеро-Судженку. Нам нужна крепкая, бесперебойно работающая, угольная база у магистрали. Прокопьевск и Осиновку поставьте на консервацию.

— Я подчиняюсь, но...

— Никаких но... Михаил Константиныч, ну убедите же его...

— Курако никогда не согласится с вами, говорит Федорович.

Курако встает. Он чувствует себя нехорошо. Голова горит. Во рту противно. Вывороченные внутренности гигантского животного промелькнули в глазах.

— Веньямин Михайлыч прав, устало говорит он. Республике не до завода. Ей нужен хлеб...

Федорович простился. Веньямин Михайлыч попросил Курако остаться.

Через час Курако выходит из вагона. Светит луна. Курако вынимает бумажник. На глаза попадается обрывок. Курако развертывает и видит выбитое прописными буквами имя Джюлиана Кеннеди. Курако мнет и бросает бумажку.

4.

Через сутки парой коней доставила Курако на Гурьевский завод. Из Томска он привез спирта. Курако разбудил Казарновского, Жестовского, Зайцева, Джумука — все орлиное гнездо.

— Постройка завода отложена, говорит он. Правительство зовет на юг, восстанавливать старые колоши. Собирайтесь, барбосы. Выступим через неделю.

Лицо его пылает. Он закуривал и выбрасывал папиросы. Табачный дым, казалось, оседал на слизистой оболочке рта какой то тошнотворной пленкой. Казарновский спросил:

— Не больны ли вы, Михаил Константинович? Поставьте термометр...

— Ерунда. Пей, Казарновский. Мы еще вернемся сюда.

На рассвете Курако выехал в Кузнецк. Через три дня пришло известие, что у Курако сыпняк. Куракинцы послали Жестовского ухаживать за больным.

Жестовский приехал накануне кризиса. Он привел местного доктора и военного полкового врача. На груди Курако вокруг сердца пошли темносиние, почти черные пятна. Это самая тяжелая форма тифа.

Курако метался в бреду. Он видел аварии. Он кричал.

— Прорвался чугун. Забивай летку. Пушкой. Пушкой. Пусти я сам. Не умеете работать. Кто меня держит? Почему не пускаете?

Он бредил только домнами. Только доменщик мог понять, что кричал Курако.

Он строил в бреду завод, придумывал новые конструкции, требовал вынести газоочистку из пределов доменного цеха.

19 февраля вечером доктора сказали, что начинается кризис.

— Сегодня в двенадцать ночи все решится.

После двенадцати Курако пришел в сознание. Температура упала. Ему захотелось помочиться и он махнул рукой, чтоб сиделка вышла из комнаты. Он встал с постели и, опираясь о стену, проделал все сам. Жестовский вздохнул облегченно. Через несколько минут Курако снова забылся. Он лежал тихо, без бреда, с закрытыми глазами. Жестовский не спал трое суток. Он уснул на стуле. Его разбудил вопль.

— Умер! Умер! кричала сиделка.

Светало. Бледное солнце заглядывало в окно сквозь ветви березы. Полосы света и тени лежали на лице Курако. Жестовский взял руку Курако, она была теплой. Жестовский хотел найти пульс и не мог. Пальцы дрожали. Он бросился к врачу и поднял его с кровати.

Врач констатировал смерть. Весть о смерти Курако облетела город. Кто-то смерил покойника и сколотил гроб. Мертвого не во что было одеть, в пустой квартире не было ничего, кроме верблюжьего азяма. Жестовский снял тужурку и одел на Курако. Пришли музыканты. Принесли красные знамена. С кирпичного завода пришли рабочие. Съехались крестьяне из соседних сел. Появились попы с хоругвями и образами. Их прогнали, они не уходили. Курако решили похоронить на заводской площадке. Гроб вынесли в полдень, поставили в сани и покрыли ковром. Красноармейцы дали три залпа. Из Кузнецка до площадки двадцать пять километров. Несколько сот человек двинулись за гробом.

Падал снег. Шли целый день. По пути крестьяне выходили встречать покойника, становились на колени и снег заносил их. Они знали Курако. На полдороге процессию встретили рабочие Осиновки. Они подняли гроб на плечи и донесли до площадки. Было темно, когда гроб опускали в могилу. Похоронили Курако на самом высоком месте площадки, где предполагался народный дом.

— Отсюда ему будет видно завод, — сказал кто-то.

На гурьевском заводе о смерти Курако узнали на следующий день. Скорбную весть привез уполномоченный Реввоенсовета пятой армии. Он остановился у секретаря гурьевской ячейки Лагзинга. Туда сошлись куракинцы. Они молча слушали рассказ о похоронах.

— А вы знаете, — обернулся представитель Реввоенсовета к Лагзингу, — Курако был партийным. У него в бумажнике нашли партийный билет. Партибилет № 1, Кузнецкой организации РКП(б). Он давно был связан с нами и вступил в партию за три недели до смерти.

5.¹

Четыре года с тысяча девятьсот семнадцатого в улус Майдакова не приезжали купцы. Шкурки — длинношерстные горностаи, седые соболя, козы, такие мягкие, что от одного их вида становится тепло — были навалены в кладовой. Четыре года работы лежало там. Никто не приезжал. Кончались запасы пороха.

Майдаков вышел на охоту. В буреломе он разглядел горностаеву тропинку. Кора поваленных деревьев оцарапана у основания острыми коготками зверька. След вел на Тельбес. Он поднимался вверх по Мрас-су. Рядом по бурелому параллельно шел соболь и это было важнее. Соболь шел рядом, шел на Тельбес.

Странно было Майдакову. Тельбес — населенное место, стоят там рудничные дома. Соболь живет в нетронутой дикой тайге. В самой целине живет соболь. Но след шел к Тельбесу. По бурелому шла запутанная соболиная дорожка.

И рядом горностай. Это еще понятно. Горностай глупее соболя. Он подходит к человеческим жилищам. Охота на него развлечение мальчишек.

Они вышли втроем к Тельбессу. Впереди шел горностай —

¹ Черновой набросок сцены — Майданов на Тельбессе — написан И. Рахтановым, участником работы по истории Кузнецкстроя.

императорская шкурка, потом шел соболь, потом Майдаков.

Пусто было на Тельбессе. Дома исчезли. Сгинули постройки. Заросшие, заплывшие, занесенные снегом стояли шурфы и штолни. И только под горой расставлены ульи пасечника Костенко.

Майдаков знал Костенко. Соболь потерялся в буреломе и пропал. Горностай шел дальше на Темир, но итти за ним не стоило. Майдаков постучался к Костенко. Костенко угостил Майдакова светлым липовым медом. Под образами стоял игрушечный Тельбес. Костенко собрал разбитую Федоровичем игрушку, скрепил куски глиной и проволокой. Трешины насквозь просекали Тельбес. Там, где стояли столбики с надписью — руда, не было ничего кроме окаменевшей глины.

Это все, что осталось от металлургического завода Копикуза. Штабеля камня на площадке разобрали и увезли крестьяне, лесопилку растащили, склады в Кузнецке разгромили роговцы, чертежи Курако уложили в ящики и отправили неизвестно куда.

Старики любят поговорить. Костенко знал пять-шесть слов по шорски. Майдаков так же говорил по русски.

Они разговорились, ломая для понятности родные языки. Сказал Костенко.

— Мой, понимаешь, сторожит рудник. Якши понимаешь? Постройка мой сторожит, а постройка то нету. Погрузили на плоты и сплавили. Мед мой собирает немного. Мед нынче ех. Понимаешь?

Сказал Майдаков.

— Я много стрелял. Четыре года я стрелял. Никто не менил. Никто не приезжал. Хлеба нету, меду нету, порох тоже нету. Куда пойдем?

Конец первой части¹

¹ К отдельному изданию будет приложен комментарий со ссылками на источники. Там будет рассказано, как шла работа над этой — сейчас не вполне еще доделанной — первой частью истории Кузнецк-строя.

5/4